

ФРАНСУА РАБЛЕ

ГАРГАНТЮА И
ПАНТАГРЮЭЛЬ

Франсуа Рабле

Гаргантюа и Пантагрюэль

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=168260
Гаргантюа и Пантагрюэль: Эксмо; М.: 2005
ISBN 5-699-13902-8, 978-5-699-27572-4*

Аннотация

Роман великого французского писателя Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» – крупнейший памятник эпохи французского Ренессанса. Книга построена на широкой фольклорной основе, в ней содержится сатира на фантастику и авантюрную героику старых рыцарских романов.

Содержание

Повесть о преужасной жизни великого Гаргантюа, отца Пантагрюэля, некогда сочиненная магистром Алькофрибасом Назье, извлекателем квинтэссенции	5
К читателям	5
От автора	7
Глава I	14
Глава II	18
Глава III	23
Глава IV	27
Глава V	29
Глава VI	37
Глава VII	42
Глава VIII	45
Глава IX	52
Глава X	56
Глава XI	63
Глава XII	66
Глава XIII	70
Глава XIV	76
Глава XV	80
Глава XVI	83
Глава XVII	86

Глава XVIII	90
Глава XIX	92
Глава XX	97
Глава XXI	102
Глава XXII	107
Глава XXIII	115
Глава XXIV	126
Глава XXV	130
Глава XXVI	134
Глава XXVII	137
Глава XXVIII	145
Глава XXIX	149
Глава XXX	152
Глава XXXI	154
Глава XXXII	159
Глава XXXIII	164
Конец ознакомительного фрагмента.	165

Франсуа Рабле

Гаргантюа и Пантагрюэль

**Повесть о преужасной жизни
великого Гаргантюа, отца
Пантагрюэля, некогда сочиненная
магистром Алькофрибасом Назье,
извлекателем квинтэссенции
*Книга, полная пантагрюэлизма***

К читателям

Читатель, друг! За эту книгу сев,
Пристрастия свои преодолей.
Да не введет она тебя во гнев;
В ней нет ни злобы, ни пустых затей.
Пусть далеко до совершенства ей,
Но посмешит она тебя с успехом.
Раз ты тоскуешь, раз ты чужд утехам,
Я за иной предмет не в силах взяться:

Милей писать не с плачем, а со смехом, —
Ведь человеку свойственно смеяться.¹

¹ Стихотворные переводы, отмеченные звездочкой, выполнены Ю. Корнеевым.

От автора

Достославные пьяницы и вы, досточтимые венерики (ибо вам, а не кому другому, посвящены мои писания)! В диалоге Платона под названием *Пир* Алкивиад, восхваляя своего наставника Сократа, поистине всем философам философа, сравнил его, между прочим, с силенами². Силенами прежде назывались ларчики вроде тех, какие бывают теперь у аптекарей; сверху на них нарисованы смешные и забавные фигурки, как, например, гарпии, сатиры, взнузданные гуси, рогатые зайцы, утки под выючным седлом, крылатые козлы, олени в упряжке и разные другие занятные картинки, вызывающие у людей смех, – этим именно свойством и обладал Силен, учитель доброго Бахуса, – а внутри хранились редкостные снадобья, как-то: меккский бальзам, амбра, амом, мускус, цибет, порошки из драгоценных камней и прочее тому подобное. Таков, по словам Алкивиада, и был Сократ: если бы вы обратили внимание только на его наружность и стали судить о нем по внешнему виду, вы не дали бы за него и

² ...сравнил его, между прочим, с силенами. – Сравнение древнегреческого философа с этими мифологическими существами (силен – человек с лошадиным хвостом, ушами и копытами) нередко встречается у гуманистов. В данном случае Рабле скорее всего опирался на одну из глав составленного Эразмом Роттердамским (1469–1536) обширного сборника пословиц и поговорок «Адагии», вышедшего в 1515 г. (глава именуется «Силены Алкивиада»). Рабле и далее будет не раз обращаться к «Адагиям».

ломаного гроша — до того он был некрасив и до того смешная была у него повадка: нос у него был курносый, глядел он исподлобья, выражение лица у него было тупое, нрав простой, одежда грубая, жил он в бедности, на женщин ему не везло, не был он способен ни к какому роду государственной службы, любил посмеяться, не дурак был выпить, любил подтрунить, скрывая за этим божественную свою мудрость. Но откройте этот ларец — и вы найдете внутри дивное, бесценное снадобье: живость мысли сверхъестественную, добродетель изумительную, мужество неодолимое, трезвость беспримерную, жизнерадостность неизменную, твердость духа несокрушимую и презрение необычайное ко всему, из-за чего смертные так много хлопочут, суеются, трудятся, путешествуют и воюют.

К чему же, вы думаете, клонится это мое предисловие и предуведомление? А вот к чему, добрые мои ученики и прочие шалопаи. Читая потешные заглавия некоторых книг моего сочинения³, как, например, *Гаргантюа, Пантагрюэль, Феспент, О достоинствах гульфигов, Горох в сале сит комменто*⁴ и т. п., вы делаете слишком скороспелый вывод, будто в этих книгах речь идет только о нелепостях, дурачествах и разных уморительных небывальщинах; иными сло-

³ ...потешные заглавия некоторых книг моего сочинения... — Кроме «Гаргантюа» и «Пантагрюэля», а также, возможно, «Феспента», все остальные упомянутые здесь названия вымышленны.

⁴ С комментариями (лат.).

вами, вы, обратив внимание только на внешний признак (то есть на заглавие) и не вникнув в суть дела, обыкновенно уже начинаете смеяться и веселиться. Но к творениям рук человеческих так легкомысленно относиться нельзя. Вы же сами говорите, что монаха узнают не по одежде, что иной, мол, и одет монахом, а сам-то он совсем не монах, и что на ином хоть и испанский плащ, а храбрости испанской в нем вот настолько нет. А посему раскройте мою книгу и вдумайтесь хорошенько, о чем в ней говорится. Тогда вы уразумеете, что снадобье, в ней заключенное, совсем не похоже на то, какое сулил ларец; я хочу сказать, что предметы, о которых она толкует, вовсе не так нелепы, как можно было подумать, прочитав заглавие.

Положим даже, вы там найдете вещи довольно забавные, если понимать их буквально, вещи, вполне соответствующие заглавию, и все же не заслушивайтесь вы пенья сирен, а лучше истолкуйте в более высоком смысле все то, что, как вам могло случайно показаться, автор сказал спроста.

Вам когда-нибудь приходилось откупоривать бутылку? Дьявольщина! Вспомните, как это было приятно. А случилось ли вам видеть собаку, нашедшую мозговую кость⁵? (Платон во II кн. *De rep.*⁶ утверждает, что собака – самое

⁵ А случилось ли вам видеть собаку, нашедшую мозговую кость? – Уподобление содержания книги костному мозгу встречалось у алхимиков. Тем самым Рабле призывает к аллегорической интерпретации книги; однако ближе к финалу пролога он фактически опровергает подобный подход.

⁶ О государстве (лат.).

философское животное в мире.) Если видели, то могли заметить, с каким благоговением она сторожит эту кость, как ревниво ее охраняет, как крепко держит, как осторожно берет в рот, с каким смаком разгрызает, как старательно высасывает. Что ее к этому понуждает? На что она надеется? Каких благ себе ожидает? Решительно никаких, кроме капельки мозгу. Правда, эта «капелька» слаще многого другого, ибо, как говорит Гален в III кн. *Fasc. natural.*⁷ и в XI *De usu part.*⁸, мозг – это совершеннейший род пищи, какую нас наделяет природа.

По примеру вышеупомянутой собаки вам надлежит быть мудрыми, дабы унюхать, почуять и оценить эти превосходные, эти лакомые книги, быть стремительными в гоне и бесстрашными в хватке. Затем, после прилежного чтения и долгих размышлений, вам надлежит разгрызть кость и высосать оттуда мозговую субстанцию, то есть то, что я разумею под этим пифагорейским символом, и вы можете быть совершенно уверены, что станете от этого чтения и отважнее и умнее, ибо в книге моей вы обнаружите совсем особый дух и некое, доступное лишь избранным, учение, которое откроет вам величайшие таинства и страшные тайны, касающиеся нашей религии, равно как политики и домоводства.

Неужто вы в самом деле придерживаетесь того мнения, что Гомер, когда писал *Илиаду* и *Одиссею*, помышлял о тех

⁷ О природных силах (лат.).

⁸ О назначении частей тела (лат.).

аллегориях, которые ему приписали Плутарх, Гераклид Понтийский, Евстафий⁹, Корнут¹⁰ и которые впоследствии у них же выкрал Полициано¹¹? Если вы придерживаетесь этого мнения, значит, мне с вами не по пути, ибо я полагаю, что Гомер так же мало думал об этих аллегориях, как Овидий в своих *Метаморфозах*¹² о христианских святынях, а между тем один пустоголовый монах, подхалим, каких мало, тщился доказать обратное, однако ж другого такого дурака, который был бы ему, как говорится, под стать, не нашлось.

Если же вы смотрите иначе, то все-таки отчего бы вам и почему бы вам не сделать того же с моими занятыми и необыкновенными повестями, хотя, когда я их сочинял, я думал о таких вещах столько же, сколько вы, а ведь вы, уж верно, насчет того, чтобы выпить, от меня не отстанете? Должно заметить, что на сочинение этой бесподобной книги я потратил и употребил как раз то время, которое я себе отвел для поддержания телесных сил, а именно – для еды и

⁹ *Гераклид Понтийский* (IV в. до н. э.) – греческий философ, астроном и грамматик. *Евстафий* (XII в.) – архиепископ Фессалоникийский.

¹⁰ *Корнут*, Луций Анней (I в.) – греческий философ-стоик, автор трактата «О происхождении богов».

¹¹ *Полициано*, Аньоло (1454–1494) – итальянский гуманист, поэт и филолог, автор «Сказания об Орфее».

¹² ...*Овидий в своих «Метаморфозах»*... – В средние века в книге Овидия обнаруживали тайный эзотерический смысл. Скорее всего здесь содержится аллюзия на популярного во времена Рабле «Морализированного Овидия», где к тексту римского писателя прилагался обширный комментарий, доказывавший предвосхищение Овидием Нового завета.

питья. Время это самое подходящее для того, чтобы писать о таких высоких материях и о таких важных предметах, что уже прекрасно понимали Гомер, образец для всех филологов, и отец поэтов латинских Энний¹³, о чем у нас есть свидетельство Горация, хотя какой-то межеумок и объявил, что от его стихов пахнет не столько елеем, сколько вином.

То же самое один паршивец сказал и о моих книгах, – а, да ну его в задницу! Насколько же запах вина соблазнительнее, пленительнее, восхитительнее, животворнее и тоньше, чем запах елея! И если про меня станут говорить, что на вино я трачу больше, чем на масло, я возгоржусь так же, как Демосфен, когда про него говорили, что на масло он тратит больше, чем на вино. Когда обо мне толкуют и говорят, что я выпить горазд и бутылке не враг, – это для меня наивысшая похвала; благодаря этой славе я желанный гость в любой приятной компании пантагрюэлистов. Демосфена один брюзга упрекнул в том, что от его речей пахнет, как от фартука грязного и замызганного маслобойщика. Ну, а уж вы толкуйте мои слова и поступки в самую что ни на есть лучшую сторону, относитесь с уважением к моему творогообразному мозгу, забавляющему вас этими рассказами, и по мере сил ваших поддерживайте во мне веселое расположение духа.

Итак, мои милые, развлекайтесь и – телу во здравие, почкам на пользу – веселитесь, читая мою книгу. Только вот что,

¹³ Энний, Квинт (239–169 до н. э.) – римский поэт.

балбесы, чума вас возьми: смотрите не забудьте за меня выпить, а уж за мной дело не станет!

Глава I

О генеалогии и древности рода Гаргантюа

Желающих установить генеалогию Гаргантюа и древность его рода я отсылаю к великой Пантагрюэльской хронике¹⁴. Она более обстоятельно расскажет вам о том, как появились на свете первые великаны и как по прямой линии произошел от них Гаргантюа, отец Пантагрюэля. И вы уж на меня не пеняйте за то, что сейчас я не буду на этом останавливаться, хотя история эта сама по себе такова, что чем чаще о ней вспоминать, тем больше бы она пришлась вашим милостям по вкусу, и в доказательство я сошлюсь на *Филеба* и *Горгия* Платона, а также на Флакка¹⁵, который утверждает, что чем чаще повторять иные речи (а мои речи, разумеется, именно таковы), тем они приятнее.

Дай Бог, чтоб каждому была столь же доподлинно известна его родословная от Ноева ковчега и до наших дней! Я полагаю, что многие из нынешних императоров, королей, герцогов, князей и пап произошли от каких-нибудь мелких тор-

¹⁴ ...отсылаю к великой Пантагрюэльской хронике. – Имеется в виду вторая часть романа, опубликованная раньше первой.

¹⁵ ...сошлюсь... на Флакка... – цитата из «Поэтического искусства» римского поэта Квинта Горация Флакка (65–8 до н. э.).

говцев реликвиями или же корзинщиков и, наоборот, немало жалких и убогих побирушек из богаделен являются прямыми потомками великих королей и императоров, — достаточно вспомнить, как поразительно быстро сменили ассирийан — мидяне,

мидян — персы,
персов — македоняне,
македонян — римляне,
римлян — греки,
греков — французы.

Что касается меня, то я, уж верно, происхожу от какого-нибудь богатого короля или владетельного князя, жившего в незапамятные времена, ибо не родился еще на свет такой человек, который сильнее меня желал бы стать королем и разбогатеть, — для того чтобы пировать, ничего не делать, ни о чем не заботиться и щедрой рукой одарять своих приятелей и всех порядочных и просвещенных людей. Однако ж я себя утешаю, что в ином мире я непременно буду королем, да еще столь великим, что сейчас и помыслить о том не смею. Придумайте же и вы себе такое или даже еще лучшее утешение в несчастье и пейте на здоровье, коли есть охота.

Возвращаясь к нашим баранам, я должен сказать, что по великой милости Божьей родословная Гаргантюа с древнейших времен дошла до нас в более полном виде, чем какая-либо еще, не считая родословной Мессии, но о ней я говорить не намерен, ибо это меня не касается, тем более что

этому противятся черти (то есть, я хотел сказать, клеветники и лицемеры). Сия родословная была найдена Жаном Одо на его собственном лугу близ Голо, пониже Олив, в той стороне, где Нарсе, при следующих обстоятельствах. Землекопы, которым он велел выгрести ил из канав, обнаружили, что их заступы упираются в огромный бронзовый склеп длины невероятной, ибо конца его так и не нашли, — склеп уходил куда-то далеко за вьеннские шлюзы. В том самом месте, над которым был изображен кубок, а вокруг кубка этрусскими буквами написано: *Hic bibitur*¹⁶, склеп решились вскрыть и обнаружили девять фляг в таком порядке, в каком гасконцы расставляют кегли, а под средней флягой оказалась громадная, громоздкая, грязная, грузная, красивая, малюсенькая, заплесневелая книжица, пахнувшая сильнее, но, увы, не слаще роз.

Вот эта книжица и заключала в себе вышеупомянутую родословную, всю целиком написанную курсивным письмом, но не на пергаменте, не на воощенной табличке, а на коре вяза, столь, однако, обветшавшей, что на ней почти ничего нельзя было разобрать.

Аз многогрешный был туда зван и, прибегнув к помощи очков, применив тот способ чтения стершихся букв, коему нас научил Аристотель¹⁷, разобрал их все, в чем вы и удо-

¹⁶ Здесь пьют (лат.).

¹⁷ ...коему нас научил Аристотель... — мистификация; ничего подобного греческий философ не писал.

стоверитесь, как скоро начнете пантагрюэльствовать, то есть потягивать из бутылочки, потягивать да почитывать о страшных деяниях Пантагрюэля.

В конце книги был обнаружен небольшой трактат под названием *Целительные безделки*¹⁸. Начало этой истории погрызли крысы, тараканы и, чтобы сказать – не соврать, другие вредные твари. Остальное я из уважения к древности найденного творения при сем прилагаю.

¹⁸ Стихотворение «Целительные безделки» относится к чрезвычайно популярному в XVI в. жанру. Это «загадки», пространные иносказания вокруг зашифрованного предмета. Финальная часть «Целительных безделок» принадлежит перу французского поэта Меллена де Сен-Желе (1491–1558); общий смысл стихотворения остается неясным.

Глава II

Целительные безделки, отысканные в древних развалинах

Вон тот герой, кем были кимвры биты,
боясь росы, по воздуху летит.
зрев его, народ во все корыта
В ть бочки масла свежего спешит.
дна лишь старушонка голосит:
«Ох, судари мои, его ловите, –
Ведь он до самых пят дерьмом покрыт, –
Иль лесенку ему сюда несите».

Иной предполагал, что, лобызая
Его туфлю, спасти он душу мог.
Но тут явился некий плут из края,
Где ловят в озере плотву, и рек:

«От этого да сохранит вас Бог!
В сей лавочке нечистое творится.
Не худо б вам заметить, что порок
Под клобуком приказчика гнездится».

Тогда прочли главу, но смысла было
В ней столько ж, сколько у овцы рогов.

А он сказал: «Тиара так застыла,
Что мозг во мне заоченеть готов».
Но у плиты, где пахло из котлов
Душистой брюквой, он согрелся скоро,
Возликовав, что вновь на дураков
И полоумных надевают шоры.

Речь шла о щели Патрика Святого,
О Гибралтаре и щелях иных.
Когда б они зарубцевались снова,
Умолк бы кашель в толще недр земных.
Зиянье этих дыр для глаз людских
Всегда казалось наглостью безбожной.
Вот если б удалось захлопнуть их,
То и в аренду сдать их было б можно.
Затем пришел и ощипал ворону
Геракл, забыв ливийские края.
«Увы! – Минос воскликнул разъяренно. –
Всех пригласили, обойден лишь я!
Они еще хотят, чтоб длань моя
Лягушками их не снабжала боле!
Пусть дьявола возьму я в кумовья,
Коль пряжею им торговать позволю».

Хромой К. Б. пришел и усмирил их.
Он пропуск от скворцов принес с собой.
Свяк Циклопа, гнев сдержать не в силах,
Убил их. Каждый вытер нос рукой.
Бывал осмеян содомит любой

В дубильне, что стоит на поле этом.
Тревогу поднимайте всей толпой:
Там будет больше их, чем прошлым летом.

Затем орел Юпитера решился
Побиться об заклад и сверху – шась,
Но, видя их досаду, устранился,
Что рай от их бесчинства может пасть,
И предпочел огонь небес украсть
Из рощи, где торговцы сельдью жили,
И захватить над всей лазурью власть,
Как масореты в старину учили.

Все подписали сделку, не робея
Пред Атою, бросавшей злобный взгляд,
И показалась им Пенфесилея
Старухой, продающей кресс-салат.
Кричал ей каждый: «Уходи назад,
Уродина, чье тело тоще тени!
Тобой обманно был у римлян взят
Их стяг великолепный из веления!»

Одна Юнона с манною совою
Из туч на птиц стремилась алчный взор.
С ней пошутили шуткою такою,
Что был совсем изъят ее убор.
Она могла – таков был уговор –
Лишь два яйца отнять у Прозерпины,
Не то ее привяжут к гребню гор,

Подсунув ей боярышник под спину.

Через пятнадцать месяцев тот воин,
Кем был когда-то Карфаген снесен,
Вошел в их круг, где, вежлив и спокоен,
Потребовал вернуть наследство он
Иль разделить, как требует закон,
Ровнее, чем стежки во шву сапожном,
Чем суп, который в полдень разделен
У грузчиков по котелкам порожним.

Но самострелом, дном котла пустого
И прялками отмечен будет год,
Когда все тело короля дурного
Под горностаем люэс изгрызет.
Ужель из-за одной ханжи пойдет
Такое множество арпанов прахом?
Оставьте! Маска вам не пристает,
От брата змей бегите прочь со страхом.

Когда сей год свершит свое течение,
На землю снидут мир и тишина.
Исчезнут грубость, злость и оскорбления,
А честность будет вознаграждена,
И радость, что была возвещена
Насельникам небес, взойдет на башню,
И волей царственного скакуна
Восторжествует мученик вчерашний.

И будет продолжаться это время,
Покуда Марс останется в цепях.
Затем придет прекраснейший меж всеми
Великий муж с веселием в очах.
Друзья мои, ликуйте на пирах,
Раз человек, отдавший душу Богу,
Как ни жалеет он о прошлых днях,
Назад не может отыскать дорогу.

В конце концов того, кто был из воска,
Удастся к жакемару приковать,
И государем даже подголоски
Не станут звонаря с кастрюлей звать.
Эх, если б саблю у него отнять,
Не нужны б стали хитрость и уловки
И можно было б накрепко связать
Все горести концом одной веревки*.

Глава III

О том, как Гаргантюа одиннадцать месяцев пребывал во чреве матери

Грангузье¹⁹ был в свое время большой шутник, по тогдашнему обычаю пил непременно до дна и любил закусить соленьким. На сей предмет он постоянно держал основательный запас майнцской и байоннской ветчины, немало копченых бычьих языков, в зимнее время уйму колбас, изрядное количество солонины с горчицей, на крайний же случай у него была еще икра и сосиски, но не болонские²⁰ (он боялся ломбардской отравы), а бигоррские, лонгонейские, брэннские и руаргские.

Уже в зрелом возрасте он женился на Гаргамелле²¹, дочери короля мотылькотов, девице из себя видной и пригожей, и частенько составляли они вместе животное о двух спинах и весело терлись друг о друга своими телесами, вследствие чего Гаргамелла зачала хорошего сына и проносила его одиннадцать месяцев.

Должно заметить, что женщины вполне могут столько но-

¹⁹ Грангузье – от фр. grand gosier – большая глотка.

²⁰ ...но не болонские... – Болонья (Ломбардия) исстари считалась центром по производству колбас.

²¹ Гаргамелла – от лангедок. gargamello – глотка.

силь, и даже еще больше, особенно если это кто-нибудь из ряда вон выходящий, кому назначены в удел великие подвиги. Так, Гомер говорит, что младенец, коего нимфа понесла от Нептуна, родился через год, то есть спустя двенадцать месяцев. Между тем, как указывает в книге III Авл Геллий²², длительный этот срок в точности соответствовал величии Нептуна, ибо Нептунов младенец только за такой промежуток времени и мог окончательно сформироваться. По той же причине Юпитер продлил ночь, проведенную им с Алкменой, до сорока восьми часов, а ведь в меньший срок ему бы не удалось выковать Геркулеса, избавившего мир от чудищ и тиранов.

Господа древние пантагрюэлисты подтверждают сказанное мною и объявляют, что ребенок вполне может родиться от женщины спустя одиннадцать месяцев после смерти своего отца и что его, разумеется, должно признать законнорожденным:

Гиппократ, *De alimento*²³,

Плиний, кн. VII, гл. V,

Плавт, *Cistellaria*²⁴,

Марк Варрон в сатире *Завещание* с соответствующей

²² Авл Геллий (II в.) – римский писатель. Имеется в виду его компендиум разнообразных познаний в двадцати книгах под названием «Аттические ночи». Оттуда же позаимствована большая часть перечня «древних пантагрюэлистов». В дальнейшем Рабле чрезвычайно часто черпает из этого источника.

²³ «О пище» (лат.).

²⁴ «Комедия о ларчике» (лат.).

ссылкой на Аристотеля,
Цензорин, *De die natali*²⁵,
Аристотель, *Da nat. animalium*²⁶,
Гелий, кн. III, гл. XVI,
Сервий в *Комментариях к Экл.*, толкуя стих Вергилия:

Matri longa decem²⁷ и т. д. —

и многие другие безумцы, число коих умножится, если мы к ним присовокупим еще и законоведов: ff. *De suis et legit., l. Intestato*²⁸, § 13, а также: *Autent., De restitut. et ea que parit in undecimo mense*²⁹. Наконец был состряпан по этому поводу крючкотворительный закон: *Gallus ff. De lib. et posthu. et l. septimo ff. De stat. homin.*³⁰, и еще я мог бы сослаться на некоторые законы, да только пока не решаюсь. Благодаря таким законам вдовы смело могут пускаться во все тяжкие целых два месяца после кончины супруга.

Милые вы мои сукины дети, покорнейше вас прошу: еже-

²⁵ «О дне рождения» (лат.).

²⁶ «О прир(оде) животных» (лат.).

²⁷ Матери долги десять... (лат.).

²⁸ (Дигесты), О своих и закон(ных), з(акон) «Не оставившему завещания» (лат.).

²⁹ Новеллы, О восстановл(ении в правах) и о той, что родит на одиннадцатом месяце (лат.).

³⁰ Галл, (Дигесты), О детях и посмерт(ных наследниках) и (Дигесты), О состоянии людей, з(акон) «На седьмом (месяце)» (лат.).

ли попадутся вам такие вдовушки, с которыми приятно было бы иметь дело, то валяйте-ка сами, а потом приводите их ко мне. Ведь если они и забеременеют на третий месяц, то ребенок все равно будет признан наследником покойного, а как скоро они забеременеют, то уж потом действуют без всякой опаски: пузо нагуляла – поехали дальше! Вот, например, Юлия, дочь императора Октавиана: она отдавалась своим любезникам, только когда чувствовала себя непорожней, подобно тому как судну требуется лоцман не прежде, чем оно проконопачено и нагружено. Если же кто-нибудь осудит их за то, что они дают себя латать во время беременности, и укажет им, что брюхатые самки животных ни за что не подпустят к себе самцов, они могут ответить, что одно дело – самки, а другое, мол, женщины, которые отлично знают, что суперфетация таит в себе особую прелесть, а ведь именно в этом роде и ответила некогда Популия во II кн. Макробиевых *Сатурналий*.

Если же диавол так подстроит, что нарвешься не на беременную, то надобно только поглубже ввинтить затычку – и никому ни гугу!

Глава IV

О том, как Гаргамелла, носившая в своем чреве Гаргантюа, объелась требухой

Вот при каких обстоятельствах и каким образом родила Гаргамелла; если же вы этому не поверите, то пусть у вас выпадет кишка!

А у Гаргамеллы кишка выпала третьего февраля³¹, после обеда, оттого что она съела слишком много *годбийю*. *Годбийю*— это внутренности жирных *куаро*. *Куаро* — это волы, которых откармливают в хлеву и на *гимо*. *Гимо* — это луга, которые косят два раза в лето. Так вот, зарезали триста шестьдесят семь тысяч четырнадцать таких жирных волов, и решено было на масляной их засолить — с таким расчетом, чтобы к весеннему сезону мяса оказалось вдоволь и чтобы перед обедом всегда можно было приложиться к соленья-кому, а как приложишься, то уж тут вина только подавай.

Требухи, сами понимаете, получилось предостаточно, да еще такой вкусной, что все ели и пальчики облизывали. Но вот в чем закорючка: ее нельзя долго хранить, она начала портиться, а уж это на что же хуже! Ну и решили все сразу

³¹ ...у Гаргамеллы кишка выпала третьего февраля... — У беременных подобное действительно возможно при диарее.

слопать, чтобы ничего зря не пропадало. Того ради созвали всех обитателей Сине, Сейи, Ларош-Клермо, Вогодри, Кудре-Монпансье, Ведского брода³², а равно и других соседей, и все они, как на подбор, были славные кутилы, славные ребята и женскому полу спуска не давали.

Добряк Грангузье разыграл духом и распорядился, чтобы угощение было на славу. Жене он все-таки сказал, чтобы она не очень налегала, потому что она уже на сносях, а потроха – пища тяжелая. «Кишок без дерьма не бывает», – примолвил он. Однако ж, невзирая на предостережения, Гаргамелла съела этих самых кишок шестнадцать бочек, два бочонка и шесть горшков. Ну и раздуло же ее от аппетитного содержимого этих кишок!

После обеда все повалили гурьбой в Сосе и там, на густой траве, под звуки разымчивых флажолетов и нежных волюнок пустились в пляс, и такое пошло у них веселье, что любо-дорого было смотреть.

³² *Сине, Сейи, Ларош-Клермо, Вогодри, Кудре-Монпансье, Ведский брод* – населенные пункты близ Шинона, в большинстве из которых семья Рабле имела владения.

Глава V

Беседа во хмелю

Потом рассудили за благо подзакусить прямо на свежем воздухе. Тут бутылочки взад-вперед заходили, окорока заплясали, стаканчики запорхали, кувшинчики зазвенели.

– Наливай!

– Подавай!

– Не зевай!

– Разбавляй!

– Э, нет, мне без воды! Спасибо, приятель!

– А ну-ка, единым духом!

– Сообрази-ка мне стаканчик кларету, да гляди, чтобы с верхом!

– Зальем жажду!

– Теперь ты от меня отстанешь, лихоманка проклятая!

– Поверите ли, душенька, что-то мне нынче не пьется!

– Вам, верно, нездоровится, милочка?

– Да, нехорошо что-то мне.

– Трах-тарарах-тарарах, поговорим о вине!

– Я, как папский мул, пью в определенные часы.

– А я, как монах, на все руки мастер: и пить, и гулять, и часы читать.

– Что раньше появилось: жажда или напитки?

– Жажда, ибо кому бы пришло в голову ни с того ни с сего

начать пить, когда люди были еще невинны, как дети?

– Напитки, ибо *privatio presupponit habitum*³³. Я – духовная особа.

Faecundi calices quem non fecere disertum.³⁴

– Мы, невинные детки, и без жажды пьем лихо.

– А я хоть и грешник, да без жажды не пью. Когда я, Господи благослови, начинаю, ее еще может и не быть, но потом она приходит сама, – я ее только опережаю, понятно? Я пью под будущую жажду. Вот почему я пью вечно. Вечная жизнь для меня в вине, вино – вот моя вечная жизнь.

– Давайте пить! Давайте петь! Псалмы тянуть!

– А кто это у меня стакан стянул?

– А мне без всякого законного основания не подливают!

– Вы промачиваете горло для того, чтобы оно потом пересохло, или, наоборот, сперва сушите, чтобы потом промочить?

– Я в теориях не разбираюсь, вот насчет практики – это еще туда-сюда.

– Живей, живей!

– Я промачиваю, я спрыскиваю, я пью – и все оттого, что боюсь умереть.

³³ Лишение уже предполагает обладание (лат.).

³⁴ Чаше к вину прибегай – и будешь вития отменный (лат.). – цитата из «Послания к Пизонам» Горация.

– Пейте всегда – и вы никогда не умрете.

– Если я перестану пить, я весь высохну и умру. Моя душа улетит от меня туда, где посуше. В сухом месте душа не живет.

– А ну-ка, виночерпии, создатели новых форм, сотворите из непьющего пьющего!

– Надо хорошенько полить эти жесткие, сухие внутренности!

– Кто пьет без всякого удовольствия, тому вино – не в ко-
ня корм.

– Вино все в кровь поступает – нужнику ничего не достается.

– Я себе нынче утром кишочки очистил, теперь нужно их сполоснуть.

– Уж я себе пузо набил!

– Если бы бумага, на которой я пишу векселя, пила так же, как я, то, когда бы их подали ко взысканию, оказалось бы, что все буквы пьяным-пьяны, все – в лежку, и суд, ничего не разобрав, не мог бы начать разбирательство.

– Смотрите за своей рукой: ее так и тянет к вину, оттого у вас нос краснеет.

– Пока это вино выйдет, сколько еще успеет войти!

– Пить такими наперсточками – это все равно что воробья причащать.

– Это называется охота с бутылочками.

– Есть разница между бутылочкой и милочкой?

- Разница большая: бутылочку затыкают пробочкой, а милочку живчиком.
- Здорово сказано!
- А предки наши вмиг выцеживали бочку.
- Славные певуны-п...уны! Выпьем!
- Зачем ходить на реку? Это лучше кишки промывает.
- Я пью, как губка.
- А я – как тамплиер.
- А я – *tanquam sponsus*.³⁵
- А я – *sicut terra sine aqua*.³⁶
- Что такое ветчина?
- Требование на попойку, лесенка вроде той, по которой бочки с вином спускают в погребок; ну, а по этой – вино спускают в желудок.
- А посему выпьем, а посему выпьем! Я еще не нагрузился. *Respice personam; pone pro duos; bus non est in usu*.³⁷
- Если б я так же умел ржать, как жрать, из меня вышел бы славный жеребчик.
- Богач Жак Кёр пивал не раз.
- Вот так поили бы и нас.
- Вакх под хмельком дошел до Инда.

³⁵ Как жених (*лат.*).

³⁶ Подобно земле безводной (*лат.*).

³⁷ Не забывай, с кем дело имеешь; лей на двоих; «bus» из употребления вышло (*лат.*). *bus» из употребления вышло...* – Имеется в виду допущенная говорящим ошибка в употреблении латинской формы (*duos* вместо *duobus*).

– В подпитии взята Мелинда.³⁸

– От мелкого дождя прекращается сильный ветер. От долгих возлияний стихает гром.

– Эй, паж, налей-ка мне еще! Теперь и я вчину тебе иск!

– Всем хватит вина, лишь бы пили до дна!

– Я подаю жалобу на свою жажду. Паж, дай законный ход моей жалобе!

– Мне бы остаточки вон с того блюда!

– Прежде я имел обыкновение пить до дна, а теперь я пью все до капельки.

– Нам спешить некуда, давайте все подьем!

– Уж и кишки у этого бычка, рыжего с черными полосками, – все отдай, да мало! А ну, давайте мы их подчистую!

– Пейте, иначе я...

– Нет, нет!

– Пейте, я вас прошу!

– Птицы начинают есть только после того, как их по хвосту легонечко хлопнут, а я начинаю пить только после того, как меня хорошенько попросят.

– *Lagona edatera*³⁹. Во всем моем теле норки такой не сыщешь, где бы жажда могла укрыться от вина.

– У меня от этого вина жажда только сильнее.

– А мою жажду это вино прогонит.

³⁸ *Мелинда* – открытый Васко да Гамой в 1498 г. город на восточном побережье Африки, который считался благословенным краем.

³⁹ Приятель, выпьем! (*баск.*)

– Объявим во всеуслышание под звон бутылок и фляг: коли ты потерял свою жажду, то уж внутри себя ее не ищи, – частые винные клистиры ее извергли.

– Господь Бог сотворил твердь, а вот мы уже на ногах не тверды.

– У меня на устах слово Господа: *Sitio*.⁴⁰

– Не столь несокрушим камень, асбестом именуемый, сколь неутолима жажда, которую сейчас испытывает мое высокопреподобие.

– «Аппетит приходит во время еды», сказал Анже Манский⁴¹; жажда проходит во время питья.

– Есть средство от жажды?

– Есть, но только противоположное тому, какое помогает от укуса собаки: если вы будете бежать позади собаки, она вас никогда не укусит; если вы будете пить до жажды, она у вас никогда не появится.

– Ловлю тебя на слове, виночерпий! Будь же неисчерпаем! Еще черепушечку! Проворней, не будь черепахой! Аргусу, чтобы видеть, нужно было сто глаз, а виночерпию, как Бриарею, нужно сто рук, чтобы все подливать да подливать.

– Чем лучше вымокнем, тем лучше подсохнем!

– Мне белого! Лей все, сколько там есть, лей, черт побери! Полней, полней, у меня все горит!

⁴⁰ Жажду (лат.).

⁴¹ Анже Манский – Иероним Анже, епископ Манский, автор книги «О причинах» (1515).

- Хлопнем, служивый?
- Давай, давай! За твое здоровье, дружище!
- Ну и ну! Столько слопали, что чуть не лопнули!
- О, *lacrima Christi*!⁴²
- Это из Девиньеры, это пино!
- Славное белое винцо!
- Бархат, да и только, честное слово!
- Ах, что за вино! Карнаухое, чисто сработанное, из лучшей шерсти!
- А ну-ка, с новыми силами, приятель!
- Нам только выставь – мы все ставки уьем.
- *Ex hoc in hoc*!⁴³ И никакого мошенничества. Все тому были свидетели. Я всех нынче перепил.
- Ты перепил, а я перепел.
- О пьянствующие! О жаждущие!
- Паж, дружок, пополний, чтоб сверху коронка была!
- Красная, как кардинальская мантия!
- *Natura abhorret vacuum*.⁴⁴
- После меня будет тут чем мухе напиться?
- Будем пить по-бретонски!⁴⁵
- Залпом, залпом!

⁴² Слеза Христова (*лат.*). – мускат с таким названием изготавливают в Италии, близ Везувия.

⁴³ Отсюда – сюда! (*лат.*)

⁴⁴ Природа не терпит пустоты (*лат.*).

⁴⁵ Будем пить по-бретонски! – Считалось, что бретонцы мастера по этой части.

– Пейте, пейте этот целебный бальзам!

Глава VI

О том, каким весьма странным образом появился на свет Гаргантюа

Пьяная болтовня все еще продолжалась, как вдруг Гаргамелла почувствовала резь в животе. Тогда Грангузье поднялся и, полагая, что это преддродовые схватки, в самых учтивых выражениях начал ее успокаивать; он посоветовал ей прилечь на травку под ивами, — у нее, мол, отрастут вскорости новые ножки, только для этого перед появлением новорожденной малютки ей нужен новый запас душевных сил; правда, боль ей предстоит довольно мучительная, но она скоро пройдет, зато радость, которая за этим последует, все искупит, и о былых страданиях Гаргамелла и думать позабудет.

— Я тебе это докажу, — объявил он. — В Евангелии от Иоанна, глава шестнадцатая, наш Спаситель говорит: «Женщина, когда рождает, терпит скорбь, но когда родит младенца, уже не помнит скорби».

— Ишь как это у тебя складно выходит, — заметила она. — Я больше люблю слушать Евангелие, чем житие святой Маргариты или что-нибудь еще в таком же ханжеском роде, да и пользы мне от него больше.

— Ты ведь у меня храбрая, как овечка, — сказал он, — вот и разрешайся скорее, а там, глядишь, мы с тобой и другого

сделаем.

– Ну, ну! Вам, мужчинам, легко говорить! – сказала она. – Уж я с Божьей помощью для тебя постараюсь. А все-таки лучше, если б тебе его отрезали!

– Что отрезали? – спросил Грангузе.

– Ну, ну, полно дурака валять! – сказала она. – Сам знаешь что.

– Ах, это! – сказал он. – Да пес с ним совсем! Коли уж он так тебе досадил, вели хоть сейчас принести нож.

– Э, нет, избави Бог! – сказала она. – Прости, Господи, мое согрешение! Я так просто сболтнула, не обращай на меня внимания. Это я только к тому, что, если Господь не поможет, мне нынче придется здорово помучиться, и все из-за него, из-за того, что уж очень ты его балуешь.

– Ничего, ничего! – сказал он. – Об остальном не беспокойся, самое главное позади. Пойду-ка я пропущу еще стаканчик. Если тебе станет худо, я буду поблизости. Крикни что есть мочи, и я прибегу.

Малое время спустя она начала вздыхать, стонать и кричать. Тотчас отовсюду набежали повитухи, стали ее щупать внизу и наткнулись на какие-то обрывки кожи, весьма дурно пахнувшие; они было подумали, что это и есть младенец, но это оказалась прямая кишка: она выпала у роженицы вследствие ослабления сфинктера, или, по-вашему, заднего прохода, оттого что роженица, как было сказано выше, объелась требухой.

Тогда одна мерзкая старушонка, лет за шестьдесят до того переселившаяся сюда из Бризпайля, что возле Сен-Жну, и слывшая за великую лекарку, дала Гаргамелле какого-то ужасного вяжущего средства, от которого у нее так сжались и стянулись кольцевидные мышцы, что – страшно подумать! – вы бы их и зубами, пожалуй, не растянули. Одним словом, получилось как у черта⁴⁶, который во время молебна св. Мартину записывал на пергаменте, о чем судачили две податливые бабенки, а потом так и не сумел растянуть пергамент зубами.

Из-за этого несчастного случая вены устья маточных артерий у роженицы расширились, и ребенок проскочил прямо в полую вену, а затем, взобравшись по диафрагме на высоту плеч, где вышеуказанная вена раздваивается, повернул налево и вылез в левое ухо. Едва появившись на свет, он не закричал, как другие младенцы: «И-и-и! И-и-и!», – нет, он зычным голосом заорал: «Лакать! Лакать! Лакать!» – словно всем предлагал лакать, и крик его был слышен от Бюссы до Виваре.

Я подозреваю, что такие необычные роды представляются вам не вполне вероятными. Что ж, не верите – не надо, но только помните, что люди порядочные, люди здравомыслящие верят всему, что услышат или прочтут. Не сам ли

⁴⁶ Одним словом, получилось как у черта... – Речь идет о распространенной в средние века легенде: присутствовавший при родах черт записывал речи рожениц; когда же места на пергаменте не осталось, он попытался растянуть его зубами, но разбил себе голову о столб.

Соломон в *Притчах*, глава XIV, сказал: *Innocens credit omni verbo*⁴⁷, и т. д.? И не апостол ли Павел в *Первом послании к Коринфянам*, глава XIII, сказал: *Charitas omnia credit*⁴⁸? Почему бы и вам не поверить? Потому, скажете вы, что здесь отсутствует даже видимость правды? Я же вам скажу, что по этой-то самой причине вы и должны мне верить, верить слепо, ибо сорбоннисты прямо утверждают, что вера и есть обличение вещей невидимых. Разве тут что-нибудь находится в противоречии с нашими законами, с нашей верой, со здравым смыслом, со Священным писанием? Я, по крайней мере, держусь того мнения, что это ни в чем не противоречит Библии. Ведь, если была на то Божья воля, вы же не станете утверждать, что Господь не мог так сделать? Нет уж, пожалуйста, не обморочивайте себя праздными мыслями. Ведь для Бога нет ничего невозможного, и если бы Он только захотел, то все женщины производили бы на свет детей через уши.

Разве Вакх не вышел из бедра Юпитера?

Роктальяд – из пятки своей матери?

Крокмуш – из туфли кормилицы?

Разве Минерва не родилась в мозгу у Юпитера и не вышла через его ухо?

Разве Адонис не вышел из-под коры миррового дерева?

А Кастор и Поллукс – из яйца, высиженного и снесенного

⁴⁷ Глупый верит всякому слову (*лат.*).

⁴⁸ Любовь всему верит (*лат.*).

Ледой?

А как бы вы были удивлены и ошеломлены, если б я вам сейчас прочел целиком ту главу из Плиния, где говорится о необычных и противоестественных родах! А ведь я не такой самонадеянный враль, как он. Прочтите III главу VII книги его *Естественной истории* – и не задуривайте мне голову.

Глава VII

О том, как Гаргантюа было дано имя и как он стал посасывать вино

Добряк Грангузье, выпивая и веселясь с гостями, услышал страшный крик, который испустил его сын, появившись на свет. «Лакать! Лакать! Лакать!» – зывал ревущий младенец. Тогда Грангузье воскликнул: «Ке гран тю а!..» – что означало: «Ну и здоровенная же она у тебя!..» Он имел в виду глотку. Присутствовавшие не преминули заметить, что по образцу и примеру древних евреев младенца, конечно, нужно назвать *Гаргантюа*, раз именно таково было первое слово, произнесенное отцом при его рождении. Отец изъявил свое согласие, матери это имя тоже очень понравилось. А чтобы унять ребенка, ему дали тяпнуть винца, затем окунули в купель и по доброму христианскому обычаю окрестили.

Между тем из Понтия и Бреемона было доставлено семнадцать тысяч девятьсот тринадцать коров, каковые должны были поить его молоком, ибо во всей стране не нашлось ни одной подходящей кормилицы – так много молока требовалось для его кормления. Впрочем, иные ученые скоттисты⁴⁹ утверждали, что его выкормила мать и что она мог-

⁴⁹ *Скоттисты* – ученики шотландского богослова XIII в. францисканца Иоанна Дунса Скотта. Рабле воспринимал его идеи весьма критично.

ла нацедить из своих сосцов тысячу четыреста две бочки и девять горшков молока зараз, однако это неправдоподобно. Сорбонна сочла такое мнение предосудительным, благочестивый слух оскорбляющим и припахивающим ересью.

Так прошел год и десять месяцев, и с этого времени по совету врачей ребенка начали вывозить, для чего некий Жан Денио смастерил прелестную колясочку, в которую впрягали волов. В этой самой колясочке младенец лихо раскатывался взад и вперед, и все с удовольствием на него смотрели: мордашка у него была славная, число подбородков доходило едва ли не до восемнадцати, и кричал он очень редко, зато марался каждый час, так как задняя часть была у него на редкость слизокровна, что объяснялось как свойствами его организма, так и случайными обстоятельствами, то есть особым его пристрастием к возлияниям. Впрочем, без причины он капли в рот не брал. Когда же он бывал раздосадован, разгневан, раздражен или удручен, когда он топал ногами, плакал, кричал, ему давали выпить, и он тут же утихомиривался и опять становился спокойным и веселым мальчиком.

Одна из его нянек чествою клялась мне, что он к этому до того приохотился, что, бывало, чуть только услышит, как звенят кружки и фляги, и уже впадает в экстаз, словно предвкушая райское блаженство. По сему обстоятельству все няньки из уважения к этому божественному его свойству развлекали его по утрам тем, что стучали ножами по стаканам, стеклянными пробками по бутылкам или, наконец,

крышками по кружкам, при каковых звуках он весь дрожал от радости и сам начинал раскачивать люльку, мерно покачивая головой, тренькая пальцами, а задницей выводя рулады.

Глава VIII

О том, как Гаргантюа был одет

Еще когда Гаргантюа находился в младенческом возрасте, отец заказал для него одежду фамильного цвета: белого с голубым. На нее положили немало труда, и была она изготовлена, скроена и сшита по тогдашней моде. На основании старинных актов, сохранившихся в счетной палате города Монсоро, я утверждаю, что Гаргантюа был одет следующим образом.

На его рубашку пошло девятьсот локтей шательродского полотна и еще двести на квадратные ластовицы под мышками. Рубашка у него была без сборок, оттого что рубашки со сборками были изобретены лишь после того, как белошвейки, сломав кончики иглоков, наловчились работать задним концом.

На его куртку пошло восемьсот тринадцать локтей белого атласа, а на шнуровку – тысяча пятьсот девять с половиной собачьих шкурок. Тогда как раз начали пристегивать штаны к куртке, а не куртку к штанам, что, как убедительно доказал Оккам⁵⁰ в комментариях к *Exponibilia*⁵¹ магистра Шаровара,

⁵⁰ ...как убедительно доказал Оккам... – Уильям Оккам, известный философ-номиналист XIV в., оппонент Дунса Скотта, никакого магистра Шаровара не комментировал.

⁵¹ «Описуемое» (лат.).

противоестественно.

На штаны пошло тысяча сто пять с третью локтей белой шерстяной материи. И скроены они были в виде колонн, с желобками и прорезами сзади, чтобы почкам было не слишком жарко. И в каждом прорезе пузырились голубого дамасского шелка буфы надлежащих размеров. Должно заметить, что ляжки у Гаргантюа были очень красивые и всему его сложению соразмерные.

На гульфик пошло шестнадцать с четвертью локтей той же шерстяной материи, и сшит он был в виде дуги, изящно скрепленной двумя красивыми золотыми пряжками с эмалевыми крючками, в каждый из которых был вставлен изумруд величиною с апельсин. А ведь этот камень, как утверждают Орфей в своей книге *De lapidibus*⁵² и Плиний, *libro ultimo*⁵³, обладает способностью возбуждать и укреплять детородный член⁵⁴. Выступ на гульфике выдавался на полтора локтя, на самом гульфике были такие же прорезы, как на штанах, а равно и пышные буфы такого же голубого дамасского шелку. Глядя на искусное золотое шитье, на затейливое, ювелирной работы, плетенье, украшенное настоящими брильянтами, рубинами, бирюзой, изумрудами и персидским жем-

⁵² «О камнях» (лат.).

⁵³ В книге последней (лат.).

⁵⁴ ...как утверждают Орфей... и Плиний в книге последней... – Имеется в виду последняя, XXXVII, книга монументального труда Плиния Старшего «Естественная история» (I в.). На самом деле ни Плиний, ни тем более мифический певец Орфей ничего подобного не утверждали.

чугом, вы, уж верно, сравнили бы гульфик с прелестным рогом изобилия, который вам приходилось видеть на древних изображениях и который подарила Рея двум нимфам, Адрастее и Иде, вскормившим Юпитера. Вечно влекущий, вечно цветущий, юностью дышащий, свежестью пышущий, влагу источающий, соками набухающий, оплодотворяющий, полный цветов, полный плодов, полный всякого рода утех, – вот как перед Богом говорю, до чего же приятно было на него смотреть! Более подробно, однако ж, я остановлюсь на этом в своей книге *О достоинствах гульфиков*. Полагаю, впрочем, нелишним заметить, что гульфик был не только длинен и широк, – внутри там тоже всего было вдоволь и в изобилии, так что он нимало не походил на лицемерные гульфики многих франтов, к великому прискорбию для женскогословия наполненные одним лишь ветром.

На башмаки Гаргантюа пошло четыреста шесть локтей ярко-голубого бархата. Бархат был аккуратно разрезан пополам, и две эти полосы сшиты в виде двух одинаковых цилиндров. На подошвы употребили тысячу сто коровьих шкур бурого цвета, а носки у башмаков были сделаны острые.

На камзол пошло тысяча восемьсот локтей ярко-синего бархата с вышитыми кругом прелестными веточками винограда, посредине же на нем красовались оплетенные золотыми кольцами и множеством жемчужин кружки из серебряной канители; в этом таился намек, что со временем из Гаргантюа выйдет изрядный пьянчуга.

Пояс ему сшили из трехсот с половиной локтей шелковистой саржи, наполовину белой, а наполовину, если не ошибаюсь, голубой.

Шпага у него была не валенсийская, а кинжал – не сарагосский⁵⁵, потому что его отец ненавидел всех этих пьяных идальго, эту помесь испанцев с окаянными нехристями; у него была отличная деревянная шпага и смазной кожи кинжал, раскрашенные и позолоченные, – словом, одно загляденье.

Кошелек его был сделан из слоновой мошонки, которую ему подарил гер Праконталь, ливийский проконсул.

На его плащ пошло девять тысяч пятьсот девяносто девять и две трети локтей синего бархата, на котором по диагонали были вытканы золотые фигурки, так что стоило только выбрать надлежащий угол зрения – и получался непередаваемый перелив красок⁵⁶, как на шее у горлинки, и это необычайно радовало глаз.

На его шляпу пошло триста два с четвертью локтя белого бархата, и была она широкая и круглая, соответственно форме головы. Что касается тех напоминающих высокие хлебцы головных уборов, какие носит всякий омавританившийся сброд, то его отец говорил, что они приносят несчастье

⁵⁵ Шпага у него была не валенсийская, а кинжал – не сарагосский... – Валенсия и Сарагоса славились своими оружейниками.

⁵⁶ ...непередаваемый перелив красок – подобное сочетание действительно было в моде. То же относится и к перьям на шляпе.

своим бритолобым владельцам.

Плюмажем ему служило большое красивое голубое перо пеликана той породы, какая водится в диких местах Гиркании; перо это очень мило свешивалось у него над правым ухом.

Его кокарда представляла собой золотую пластинку весом в шестьдесят восемь марок, а к дощечке была приделана эмалевая фигурка, изображавшая человека с двумя головами⁵⁷, повернутыми друг к другу, с четырьмя руками, четырьмя ногами и двумя задами, ибо, как говорит Платон в *Пире*, такова человеческая природа в ее изначальной мистической сущности. Вокруг этой фигуры было написано ионическими буквами:

Η ΑΓΑΡΗ Οἰ ΖΗΤΕΙ ΤΑ ΕΑΓΤΗΣ⁵⁸

На шее он носил золотую цепь весом в двадцать пять тысяч шестьдесят три золотые марки⁵⁹, причем ее звенья были сделаны в виде крупных ягод; между ними висели большие драконы из зеленой яшмы, а вокруг них всё лучи и блески,

⁵⁷ ...изображавшая человека с двумя головами... – В представлении Платона первый человек – Андрогин – был двуполым существом сферической формы, с которым в учениях некоторых гностиков отождествлялся Адам. Алхимиками он воспринимался как символ единства магических сил обоих полов. Ср. Послание апостола Павла к Галатам, 3:28.

⁵⁸ Любовь не ищет своей выгоды (*гр.*).

⁵⁹ ...двадцать пять тысяч шестьдесят три золотые марки... – Марка соответствует приблизительно 250 г. Таким образом, цепь, которую носил на шее Гаргантюа, была поистине пудовой – более 16 кг.

лучи и блески, – такие драконы были когда-то у царя Нехепса⁶⁰; спускалась же эта цепь до самой подложечки, и пользу от сего, о которой осведомлены греческие врачи, Гаргантюа ощущал всю свою жизнь.

Для его перчаток были употреблены в дело шестнадцать кож, снятых с упырей, а для опушки – три кожи, снятые с вурдалаков. Таково на сей предмет было предписание сенлуанских каббалистов.⁶¹

Перстни у него были такие (отец хотел, чтобы он их носил ради восстановления этого старинного отличия знатных особ): на указательном пальце левой руки – карбункул величиною со страусово яйцо в весьма изящной оправе из чистого золота; на безымянном пальце той же руки – перстень из необыкновенного, дотоле не виданного сплава четырех металлов, в котором сталь не портила золота, а серебро не затмевало меди: то была работа капитана Шапюи и его почтенного поверенного Алькофрибаса⁶². На безымянном пальце правой руки Гаргантюа носил перстень в виде спирали, и в него были вделаны превосходный бледно-красный рубин, остроконечный брильянт и физонский изумруд, коим не бы-

⁶⁰ *Царь Нехепс.* – Об этом фараоне VII в. до н. э. древние источники говорят как о приращателе и астрологе.

⁶¹ ...*предписание сенлуанских каббалистов.* – Сен-Луан – городок на реке Вьенне неподалеку от Шинона. Там находилось аббатство, с настоятелем которого Рабле находился в натянутых отношениях. Вера в упырей и вурдалаков, конечно же, не являлась прерогативой «сенлуанских каббалистов».

⁶² ...*его почтенного поверенного Алькофрибаса.* – Речь идет о самом Рабле.

ло цены. Ганс Карвель, великий ювелир царя Мелиндского, ценил их в шестьдесят девять миллионов восемьсот девяносто четыре тысячи восемнадцать «длинношерстных баранов», во столько же оценивали их и аугсбургские Фуггеры.⁶³

⁶³ ...аугсбургские Фуггеры... – знаменитая династия банкиров.

Глава IX

Цвета одежды Гаргантюа

Цвета Гаргантюа, как вы знаете, были белый и голубой, – этим его отец хотел дать понять, что сын для него – радость, посланная с неба; надобно заметить, что белый цвет означал для него радость, удовольствие, усладу и веселье, голубой же – все, что имеет отношение к небу.

Я уверен, что, прочтя это место, вы посмеетесь над старым пьяницей и признаете подобное толкование цветов слишком плоским и вздорным; вы скажете, что белый цвет означает веру, а голубой – стойкость⁶⁴. Ну так возразите же мне, если хотите, но только спокойно, без раздражения, не волнуясь и не горячась (время-то у нас теперь уж больно опасное!). Ни вас, ни кого бы то ни было еще я уламывать не намерен; я хочу только, чтобы вы не забыли про бутылочку.

Чего вы волнуетесь? Чего вы на стену лезете? Кто вам внушил, что белый цвет означает веру, а голубой – стойкость? «Одна никем не читаемая и не почитаемая книга под названием *Геральдика цветов*⁶⁵, которую можно купить у офеней и книгонош», – скажете вы. А кто ее сочинил? Кто бы он

⁶⁴ ...белый цвет означает веру, а голубой – стойкость. – Подобное толкование цветов вполне соответствует цветовой символике средних веков.

⁶⁵ «*Геральдика цветов*» – книга, написанная около 1458 г. Сисилем, герольдом короля Альфонса V Арагонского.

ни был, он поступил благоразумно, не указав своего имени. Впрочем, не знаю, что в нем более достойно удивления – самомнение или глупость: может статься, самомнение, ибо он, не приводя никаких оснований, доводов и причин, опираясь только на свои собственные домыслы, осмелился предписать, как именно надлежит толковать цвета, – таков обычай тиранов, которые в противоположность людям мудрым и ученым, почитающим за нужное приводить веские доводы, стремятся к тому, чтобы здравый смысл уступил место их произволу; а может статься, глупость, ибо он воображает, что, не имея доказательств и достаточных оснований, а лишь следуя его ни с чем не сообразным догадкам, люди станут сочинять себе девизы.

И точно (видно, правду говорит пословица: было бы корыто, а свиньи найдутся): он нашел каких-то допотопных простофиль, и вот эти-то простофили и поверили его писаниям; накроив по ним изречений и поучений, они разукрасили ими упряжь своих мулов и одежду слуг, разрисовали ими свои штаны, вышили их на перчатках, выткали на пологих, намазывали на гербах, вставили в песни и, что хуже всего, запятнали и бросили тень на доброе имя некоторых целомудренных матрон⁶⁶, а те об этом и не подозревали.

Вот до чего дошли эти придворные щеголи и суесловы!

⁶⁶ ...запятнали и бросили тень на доброе имя некоторых целомудренных матрон... – Носивший цвета своей дамы влюбленный рисковал ее скомпрометировать.

Если они избирают своим девизом *веселье*, то велят изобразить *весло*; если *кротость*, то – *крота*; если *печаль*, то – *печать*; если *рок*, то – *бараний рог*; если *лопнувший банк*, то – *лопнувшую банку*; если *балкон*, то – *коней на балу*; если *восторг*, то – *воз и торг*. Все это такие нелепые, такие пошлые, такие вымученные и грубые омонимы, что всякому, кто теперь, после того как изящная словесность во Франции возродилась, станет их употреблять, следовало бы пришить к воротнику лисий хвост, а рожу вымазать коровьим калом.

Исходя из тех же самых домыслов (хотя, собственно, мысли-то никакой в этих домыслах и нет), я мог бы велеть нарисовать *горчичницу* в знак того, что я *огорчен*, *розмарин* – в знак того, что меня *разморило*, сказать, что *ночной фиал* – это все равно что *официал*, что *задок моих штанов* – это *пук цветов*, что мой *гашик* – это *набалдашик*, а что *котяшок* – это тот самый *петушок*, по которому вздыхает моя милашка.

Совершенно иначе в былые времена поступали египетские мудрецы, пользовавшиеся письменами, которые они называли иероглифами. В письменах этих никто ничего не понимал, понимали только те, которые понимали свойства, особенности и природу вещей, коих знаки они собой представляли. Гор-Аполлон⁶⁷ написал о них по-гречески две книги, а еще подробнее на них остановился в *Любовных сновиде-*

⁶⁷ Гор-Аполлон – грамматист, чьи труды часто переиздавались в XVI в. Имеется в виду его «Иероглифика», переведенная в 1543 г. Жаном Мартемом.

дениях Полифил⁶⁸. Во Франции нечто подобное вы найдете в девизе г-на Адмирала, который, в свою очередь, позаимствовал его у Октавиана Августа.

Однако плыть далее среди подобных пучин и мелей небезопасно – я возвращаюсь в ту гавань, откуда я вышел. Надеюсь когда-нибудь изложить все это обстоятельно и доказать как с помощью философских умозаключений, так и путем ссылок на признанные авторитеты древнего мира, сколь многочисленны и каковы суть цвета в природе и что каждым из них можно обозначить. Дай только Бог, чтобы с плеч моих не свалилась подставка для колпака или же, как говаривала моя бабушка, кувшин для вина.

⁶⁸ «Любовные сновидения» («Гипнэротомехия Полифила», далее – «Полифил») – эзотерический роман Франческо Колонны, впервые опубликованный в 1499 г.

Глава X

О том, что означают белый и голубой цвета

Итак, белый цвет означает радость, усладу и веселье, и это не натяжка, это в точности соответствует действительности, в чем вы можете удостовериться, как скоро пожелаете, отрезавшись от предубеждений, выслушать то, что я вам сейчас изложу.

Аристотель утверждает, что если мы возьмем понятия противоположные, как, например, добро и зло, добродетель и порок, холодное и горячее, белое и черное, блаженство и страдание, радость и горе и тому подобные, и будем соединять их попарно так, чтобы одно из противоположных понятий одной пары соответствовало по смыслу одному из противоположных понятий другой пары, то мы придем к заключению, что другое противоположное понятие первой пары согласуется с другим понятием смежной пары. Пример: добродетель и порок в пределах данной пары представляют собой понятия противоположные; таковы же суть добро и зло; если же первое понятие верхней пары соответствует первому понятию смежной пары, как, например, добродетель и добро, ибо само собою разумеется, что добродетель хороша, так же точно будут соотноситься между собой и два других по-

нятия, то есть зло и порок, ибо порок дурен.

Если вам этот логический вывод ясен, то возьмите два противоположных понятия: радость и печаль, затем еще два: белое и черное, ибо они противоположны по своим физическим свойствам; так вот, если черное означает горе, то белое на том же самом основании означает радость.

Значения эти основаны не на произвольных толкованиях, принадлежащих отдельным лицам, – нет, таково общее мнение, именуемое на языке философов *jus gentium*⁶⁹, всеобщим законом, действующим повсеместно.

Вы отлично знаете, что все народы, все страны (за исключением древних сиракузцев и некоторых аргивян, страдавших извращенностью ума) и все языки, желая каким-либо внешним образом выразить свою печаль, носят черные одежды, ибо черный цвет есть цвет траурный. Этот обычай мог утвердиться повсеместно только потому, что сама природа дает ему объяснение и обоснование, которое каждый из нас может постигнуть самостоятельно, без посторонней помощи, и это мы и называем естественным правом.

По тому же внушению природы все условились считать белый цвет знаком радости, веселья, удовольствия, наслаждения и блаженства.

В былые времена фракийцы и критяне отмечали счастливые и радостные дни белым камнем, печальные и несчастливые – черным.

⁶⁹ Право народов (лат.).

Разве ночь не зловеща, не печальна и не уныла? А ведь она темна и мрачна. Разве вся природа не радуется свету? А ведь ничего нет белее его. В доказательство я мог бы сослаться на книгу Лоренцо Валлы⁷⁰, которую он написал против Бартола, но полагаю, что вас вполне удовлетворит свидетельство евангелиста: в гл. XVII *от Матфея*, где говорится о Преображении Господнем, мы читаем: *Vestimenta ejus facta sunt alba sicut lux*, одежды его сделались белыми, как свет, по каковой ослепительной белизне три апостола составили себе понятие и представление о вечном блаженстве. Свету радуется всякое живое существо; вы, верно, помните эту старуху, – у нее не осталось во рту ни единого зуба⁷¹, а она все твердила: *Vona lux!*⁷² А ослепший Товит (гл. V), отвечая на приветствие Рафаила, воскликнул: «Как могу я радоваться, если не вижу света небесного?» И тем же цветом ангелы выразили радость всей вселенной в день воскресения Христова (*от Иоанна*, гл. XX) и в день вознесения (*Деяния*, гл. I). В таких же одеждах увидел всех верных в небесном, блаженном граде Иерусалиме св. Иоанн Богослов (*Апокалипсис*, гл. IV и VII).

⁷⁰ ...книга Лоренцо Валлы... – Имеется в виду сочинение итальянского гуманиста под названием «Против Бартола к Кандиду Децембру» (опубл. в 1517). Бартол – юрист XIV в., в одном из своих сочинений действительно затрагивавший проблему цвета.

⁷¹ ...у нее не осталось во рту ни единого зуба... – сюжет из «Похвалы Глупости» Эразма Роттердамского (гл. XXXI).

⁷² Милый свет! (лат.)

Прочтите древнюю историю, историю Греции, историю Рима. Вы узнаете, что город Альба-Лонга, прапращур Рима, был обязан своим происхождением белой свинье.⁷³

Вы узнаете, что у древних римлян был заведен такой порядок: победитель, коему предстояло с триумфом въехать в Рим, должен был восседать на колеснице, запряженной белыми конями; то же самое полагалось и при более скромном чествовании, ибо никакой другой знак или же цвет не мог ярче выразить радость по случаю прибытия триумфаторов, нежели белизна.

Вы узнаете, что Перикл, правитель Афинский, отдал такое распоряжение: чтобы та часть его войска, коей по жребию достались белые бобы, целый день радовалась, веселилась и отдыхала, а другая часть сражалась. Количество примеров и ссылок я мог бы умножить, но здесь для этого не место.

Благодаря таковым познаниям вы сумеете разрешить проблему, которую Александр Афродисийский считал неразрешимой: «Почему лев, одним своим рыканием наводящий страх на всех животных, боится и чтит только белого петуха?» Оттого, как говорит Прокл в книге *De sacrificio et magia*⁷⁴, что свойство солнца, источника и вместилища всего земного и небесного света, более подходит и подобает белому петуху, если принять в соображение его цвет, его особен-

⁷³ Город Альба-Лонга действительно был основан сыном Энея Асканием в том месте, где он заметил белую свинью («Энеида», III, 388–393).

⁷⁴ «О жертвоприношении и магии» (лат.).

ности и повадки, чем лъву. Еще он говорит, что бесы часто принимают обличье льва, меж тем как при виде белого петуха они внезапно исчезают. Вот почему *Galli*⁷⁵ (то есть французы, названные так потому, что они от рождения белы, как молоко, а молоко по-гречески *gala*) любят носить на шляпах белые перья, ибо по природе своей они жизнерадостны, простодушны, приветливы и всеми любимы, и гербом и эмблемой служит им белейший из всех цветов, а именно – лилия.

Если же вы спросите, каким образом природа дает нам понять, что белый цвет означает радость и веселье, то я вам отвечу, что аналогия и соответствие здесь таковы. Подобно тому как при взгляде на белое в глазах у человека все мелькает и ходит ходуном, оттого что белый цвет разлагает зрительные токи, о чем говорит в своих *Проблемах* Аристотель, и притупляет различительную способность (если вам случилось ходить по снежным горам, то вы должны были испытать это на себе, – вы начинали плохо видеть; Ксенофонт пишет, что так случилось с его воинами, об этом же подробно говорит Гален в кн. X, *De usu partium*⁷⁶) – так же точно сердце под влиянием радостного волнения ходит ходуном, вследствие чего начинается распад питающих его жизненных токов, и распад этот бывает иногда столь бурным, что сердце остается без всякой поддержки; таким образом, сильная радость может пресечь самую жизнь, на что указывает Гален

⁷⁵ *Galli* (лат.) – петухи и галлы.

⁷⁶ «О назначении частей (тела)» (лат.).

в *Metho*.⁷⁷, книга XII, в *De locis affectis*⁷⁸ и в *De symptomaton causis*⁷⁹, кн. II; а что такие случаи действительно имели место в древности, в этом нас убеждают Марк Туллий (см. *Quaestio Tuscul*⁸⁰, кн. 1), Веррий, Аристотель, Тит Ливий (после битвы при Каннах), Плиний (кн. VII, гл. XXXII и LIII), А. Геллий (кн. III, XV и др.), а также Диагор Родосский, Хилон, Софокл, Дионисий, тиран Сицилийский, Филиппид, Филемон, Поликрат, Филистион, М. Ювенций и многие другие, умершие от радости, или же, как указывает Авиценна во II трактате Канона и в книге *De viribus cordis*⁸¹, от шафрана, сильная доза которого так возбуждает человека, что он умирает от расширения и разрыва сердца. Об этом вы можете прочитать у Александра Афродисийского в его *Problematum*⁸² (кн. 1, гл. XIX). Что и требовалось доказать.

Впрочем, я увлекся и наговорил по этому поводу больше, чем предполагал вначале. Итак, я убираю паруса, dokonчу же я свое рассуждение в особой книге и докажу в немногих словах, что голубой цвет означает небо и все к нему относящееся и что связь символическая здесь та же, что и между белым цветом, с одной стороны, и радостью и наслаждени-

⁷⁷ «О мето(де лечения)» (лат.).

⁷⁸ «О пораженных местах» (лат.).

⁷⁹ «О симптомах и причинах» (лат.).

⁸⁰ «Тускул(анские) беседы» (лат.).

⁸¹ «О силах сердца» (лат.).

⁸² «Проблемах» (лат.).

ем – с другой.

Глава XI

О детстве Гаргантюа

В возрасте от трех до пяти лет Гаргантюа растили и воспитывали по всем правилам, ибо такова была воля его отца, и время он проводил, как все дети в том краю, а именно: пил, ел и спал; ел, спал и пил; спал, пил и ел.

Вечно валялся в грязи, пачкал нос, мазал лицо, стаптывал башмаки, ловил частенько мух и с увлечением гонялся за мотыльками, подвластными его отцу. Писал себе на башмаки, какал в штаны, утирал рукавом нос, сморкался в суп, шлепал по всем лужам, пил из туфли и имел обыкновение тереть себе живот корзинкой. Точил зубы о колодку, мыл руки похлебкой, расчесывал волосы стаканом, садился между двух стульев, укрывался мокрым мешком, запивал суп водой, как ему аукали, так он и откликался, кусался, когда смеялся, смеялся, когда кусался, частенько плевал в колодец, лопался от жира, нападал на своих, от дождя прятался в воде, ковал, когда остывало, ловил в небе журавля, прикидывался тихоней, драл козла, имел привычку бормотать себе под нос, возвращался к своим баранам, перескакивал из пятого в десятое, бил собаку в назидание льву, начинал не с того конца, обжегшись на молоке, дул на воду, выводывал всю подноготную, гонялся за двумя зайцами, любил, чтоб нынче было у него густо, а завтра хоть бы и пусто, толоч воду в ступе, сам

себя щекотал под мышками, уплетал за обе щеки, жертвовал Богу, что не годилось ему самому, в будний день ударял в большой колокол и находил, что так и надо, целился в ворону, а попадал в корову, не плутал только в трех соснах, переливал из пустого в порожнее, скоблил бумагу, марал пергамент, задавал стрекача, куликал, не спросясь броду, совался в воду, оставался на бобах, полагал, что облака из молока, а луна из чугуна, с одного вола драл две шкуры, дурачком прикидывался, а в дураках оставлял других, прыгал выше носа, черпал воду решетом, клевал по зернышку, даровому коню неукоснительно смотрел в зубы, начинал за здоровье, а кончал за упокой, в бочку дегтя подливал ложку меду, хвост вытаскивал, а нос у него завязал в грязи, охранял луну от волков, считал, что если бы да кабы у него во рту росли бобы, то был бы не рот, а целый огород, по одежке протягивал ножки, всегда платил той же монетой, на все чихал с высокого дерева, каждое утро драл козла. Отцовы щенки лакали из его миски, а он ел с ними. Он кусал их за уши, а они ему царапали нос, он им дул в зад, а они его лизали в губы.

И знаете что, дети мои, чтоб вам допить до белой горячки? Этот маленький потаскун щупал своих нянек почем зря и вверху и внизу, и спереди и сзади и стал уже задавать работу своему гульфику. А няньки ежедневно украшали его гульфик пышными букетами, пышными лентами, пышными цветами, пышными кистями и развлекались тем, что мяли его в руках, точно пластырь, свернутый в трубочку; когда же

у гульфика ушки становились на макушке, няньки покаты-
вались со смеху – видно было, что эта игра доставляла им
немалое удовольствие.

Одна из них называла его втулочкой, другая – булавоч-
кой, третья – коралловой веточкой, четвертая – пробочкой,
пятая – затычеккой, коловоротиком, сверлышком, буравчи-
ком, подвесочком, резвунчиком-попрыгунчиком, стоячком,
красненькой колбаской, яичком-невеличком.

– Он мой, – говорила одна.

– Нет, мой, – говорила другая.

– А мне ничего? – говорила третья. – Ну так я его отрежу,
ей-ей отрежу!

– Еще чего, отрезать! – говорила четвертая. – Да ведь ему
больно будет! Кто же, сударыня, эти штучки детям отрезает?
Хочешь, чтобы он бесхвостый вырос?

Сверстники Гаргантюа в тех краях играли в вертушки, и
ему тоже смастерили для игры отличную вертушку из кры-
льев мирбалеической ветряной мельницы.⁸³

⁸³ ...из крыльев мирбалеической ветряной мельницы. – Мирбале – поместье близ
Пуатье. В главе XX «Третьей книги» вновь говорится о мирбалеических ветряках.

Глава XII

Об игрушечных лошадках Гаргантюа

Потом, чтобы из него на всю жизнь вышел хороший наездник, ему сделали красивую большую деревянную лошадь, и он заставлял ее гарцевать, скакать, круто поворачивать, брыкаться, танцевать, и все это одновременно; ходить шагом, бегать рысью, сбитой рысью, галопом, иноходью, полугалопом, тропотом, по-верблюжьему и по-ослиному. Он заставлял ее менять масть, как иеродиаконы меняют в соответствии с праздниками стихари, и она у него была то гнедой, то рыжей, то серой в яблоках, то мышиной, то саврасой, то чалой, то соловой, то игреневой, то пегой, то буланой, то белой.

Сам Гаргантюа своими руками сделал себе из толстого бревна на колесах охотничью лошадь, из балки от давяльного чана — коня на каждый день, а из цельного вяза — мула с попоной, для комнатных игр. Еще было у него около десятка лошадей для подставки и семь почтовых. И всех он укладывал с собой спать.

Однажды, в тот самый день, когда отца Гаргантюа посетили герцог де Лизоблюд и граф де Приживаль, в сопровождении пышной и блестящей свиты к нему приехал сеньор де Скупердяй. Откровенно говоря, помещение оказалось тесновато для такого множества гостей, а уж про конюшни и говорить нечего. По сему обстоятельству дворецкий и коню-

ший вышеупомянутого сеньора де Скупердяй, желая узнать, нет ли где тут свободных стойл, обратились к маленькому Гаргантюа и спросили его украдкой, куда бы поставить строевых коней, ибо они были уверены, что уж ребенок-то им все выложит. Гаргантюа повел их по главной лестнице замка, а затем через вторую залу и широкую галерею они проникли в большую башню; когда же они стали подниматься еще выше, конюший сказал дворецкому:

– Обманул нас мальчонка: наверху конюшен не бывает.

– Ты ошибаешься, – возразил дворецкий, – мне точно известно, что в Лионе, Бамете⁸⁴, Шиноне и в других местах есть такие дома, где конюшни на самом верху. Наверно, где-нибудь сзади устроен особый выход для посадки. Впрочем, я его еще раз спрошу для верности.

И он обратился к Гаргантюа:

– Куда ты ведешь нас, малыш?

– В стойло, где мои строевые кони, – отвечал тот. – Это совсем близко отсюда: еще несколько ступенек, и все.

И тут он, пройдя еще одну большую залу, подвел их к своей комнате и, распахнув дверь, сказал:

– Вот она, конюшня. Это мой испанский жеребец, это мерин, это лаведанский жеребец, а это иноходец. – С этими словами он протянул им здоровенную балку. – Дарю вам этого фризского скакуна, – объявил он. – Мне его пригнали из

⁸⁴ *Бамет* – монастырь францисканцев неподалеку от Анжера, где, по-видимому, Рабле начинал учебу.

Франкфурта, но теперь он ваш. Это добрая лошадка, очень выносливая. Заведите себе еще кречета, пяток испанских легавых да пару борзых, и вы будете грозой всех зайцев и куропаток.

– Святые угодники! – воскликнули те двое. – Вот тебе раз! Что ж ты, милый, дурака валял?

– Да разве я кого-нибудь из вас валял? – спросил Гаргантюа.

Посудите сами, как в сем случае надлежало поступить дворецкому и конюшему: сквозь землю провалиться от стыда или посмеяться над этим приключением? Когда же они в великом смущении стали спускаться с лестницы, Гаргантюа сказал:

– На приступочке песочек.

– Что такое? – спросили они.

– Откусите дерьма кусочек, – отвечал он.

– Если нынче нас кто-нибудь захочет вздуть, то это будет напрасный труд, – нас и без того порядком надули, – заметил дворецкий. – Ах, малыш, малыш, славно провел ты нас за нос! Быть тебе когда-нибудь святейшим владыкою папой!

– Я сам так думаю, – заметил Гаргантюа. – Я буду святейшеством, а ты пустосвятом, а вот из этого свища тоже выйдет изрядный святоша.

– Все может быть, – заметил конюший.

– А вот теперь скажите, – продолжал Гаргантюа, – какого цвета хвост платья у моей матери?

– Про хвост я ничего не могу сказать, – отвечал конюший.

– Сам признался, что ты прохвост, – подхватил Гаргантюа.

– Как так? – спросил конюший.

– Так ли, не так ли, сунь себе в нос пакли, – отвечал Гаргантюа. – Кто слишком много такает, тому птичка в ротик какает.

– Господи помилуй, ну и собеседник нам попался! – воскликнул дворецкий. – Много лет тебе здравствовать, балагур ты этакий, – уж больно ты речист!

Спускаясь второпях с лестницы, дворецкий с конюшим уронили здоровенную балку, которой их нагрузил Гаргантюа.

– Какие же вы после этого наездники, черт бы вас побрал! – воскликнул Гаргантюа. – Вам только на клячах и ездить. Если бы вам предстояло путешествие в Каюзак, что бы вы предпочли: ехать верхом на гусенке или же свинью вести на веревочке?

– Я предпочитаю выпить, – сказал конюший.

Тут они вошли в одну из нижних зал и, застав там остальную компанию, рассказали ей об этом происшествии и чуть не утомили всех со смеху.

Глава XIII

О том, как Грангузье распознал необыкновенный ум Гаргантюа, когда тот изобрел подтирку

К концу пятого года Грангузье, возвратившись после поражения канарийцев⁸⁵, навестил своего сына Гаргантюа. Обрадовался он ему, как только мог обрадоваться такой отец при виде такого сына: он целовал его, обнимал и расспрашивал о всяких его ребячьих делах. Тут же он не упустил случая выпить с ним и с его няньками, поговорил с ними о том о сем, а затем стал подробно расспрашивать, соблюдают ли они в уходе за ребенком чистоту и опрятность. На это ему ответил Гаргантюа, что он сам завел такой порядок, благодаря которому он теперь самый чистый мальчик во всей стране.

– Как так? – спросил Грангузье.

– После долговременных и любопытных опытов я изобрел особый способ подтираться, – отвечал Гаргантюа, – самый, можно сказать, королевский, самый благородный, самый лучший и самый удобный из всех, какие я знаю.

– Что же это за способ? – осведомился Грангузье.

– Сейчас я вам расскажу, – отвечал Гаргантюа. – Как-то

⁸⁵ *Канарийцы*. – В средние века было распространено представление о волшебной стране Канарии (отсюда, возможно, Канарские острова).

раз я подтерся бархатной полумаской одной из ваших при-
творных, то бишь придворных, дам и нашел, что это недур-
но, – прикосновение мягкой материи к заднепроходному от-
верстию доставило мне наслаждение неизъяснимое. В дру-
гой раз – шапочкой одной из помянутых дам, – ощущение
было то же самое. Затем шейным платком. Затем атласными
наушниками, но к ним, оказывается, была прицеплена уй-
ма этих поганных золотых шариков, и они мне все седалище
ободрали. Антонов огонь ему в зад, этому ювелиру, который
их сделал, а заодно и придворной даме, которая их носила!
Боль прошла только после того, как я подтерся шляпой па-
жа, украшенной перьями на швейцарский манер.

Затем как-то раз я присел под кустик и подтерся мартов-
ской кошкой, попавшейся мне под руку, но она мне расца-
рапала своими когтями всю промежность.

Оправился я от этого только на другой день, после того
как подтерся перчатками моей матери, надушенными этим
несносным, то бишь росным, ладаном.

Подтирался я еще шалфеем, укропом, анисом, майора-
ном, розами, тыквенной ботвой, свекольной ботвой, капуст-
ными и виноградными листьями, проскурняком, диванкой,
от которой краснеет зад, латуком, листьями шпината, – поль-
зы мне от всего этого было, как от козла молока, – затем про-
леской, бурьяном, крапивой, живокостью, но от этого у меня
началось кровотечение, тогда я подтерся гульфиком, и это
мне помогло.

Затем я подтирался простынями, одеялами, занавесками, подушками, скатертями, дорожками, тряпочками для пыли, салфетками, носовыми платками, пеньюарами. Все это доставляло мне больше удовольствия, нежели получает чесоточный, когда его скребут.

– Так, так, – сказал Грангузье, – какая, однако ж, подтирка, по-твоему, самая лучшая?

– Вот к этому-то я и веду, – отвечал Гаргантюа, – сейчас вы узнаете все досконально. Я подтирался сеном, соломой, паклей, волосом, шерстью, бумагой, но –

Кто подтирает зад бумагой,
Тот весь обрызган желтой влагой*.

– Что я слышу? – воскликнул Грангузье. – Ах, озорник ты этакий! Тишком, тишком уже и до стишков добрался?

– А как же, ваше величество! – отвечал Гаргантюа. – По-немножку кропаю, но только от стихоплетства у меня язык иной раз заплетается. Вот, не угодно ли послушать, какая надпись висит у нас в нужнике:

Харкун,
Писун,
Пачкун!
Не раз
Ты клал,
А кал

Стекал
На нас.
Валяй,
Воняй,
Но знай:
В антоновом огне сгорает,
Кто жир
Из дыр
В сортир,
Не подтираясь, низвергает*.

Хотите еще?

– Очень даже хочу, – сказал Грангузье.

– Так вот, – продолжал Гаргантюа:

РОНДО

Мой зад свой голос подает,
На зов природы отвечая.
Вокруг клубится вонь такая,
Что я зажал и нос и рот.
О, пусть в сей нужник та придет,
Кого я жду, опорожня
Мой зад!

Тогда я мочево́й проход
Прочищу ей, от счастья тая;
Она ж, рукой меня лаская,
Перстом умелым подотрет

Мой зад*.

Попробуйте теперь сказать, что я ничего не знаю! Клянусь раками, это не я сочинил стихи, – я слышал, как их читали одной важной даме, и они удержались в охотничьей сумке моей памяти.

– Обратимся к предмету нашего разговора, – сказал Грангузье.

– К какому? – спросил Гаргантюа. – К испражнениям?

– Нет, к подтирке, – отвечал Грангузье.

– А как вы насчет того, чтобы выставить бочонок бретонского, если я вас положу на обе лопатки?

– Выставляю, выставляю, – обещал Грангузье.

– Незачем подтираться, коли нет дерьма, – продолжал Гаргантюа. – А дерьма не бывает, если не покакаешь. Следовательно, прежде надобно покакать, а потом уж подтереться.

– Ах, как ты здраво рассуждаешь, мой мальчик! – воскликнул Грангузье. – Ей-богу, ты у меня в ближайшее же время выступишь на диспуте в Сорбонне, и тебе присудят докторскую степень – ты умен не по летам! Сделай милость, однако ж, продолжай подтиральное свое рассуждение. Клянусь бородой, я тебе выставлю не бочонок, а целых шестьдесят бочек доброго бретонского вина, каковое выделяется отнюдь не в Бретани, а в славном Верроне.

– Потом я еще подтирался, – продолжал Гаргантюа, – головной повязкой, думкой, туфлей, охотничьей сумкой, кор-

зинкой, но все это была, доложу я вам, прескверная подтирка! Наконец шляпами. Надобно вам знать, что есть шляпы гладкие, есть шерстистые, есть ворсистые, есть шелковистые, есть атласистые. Лучше других шерстистые – кишечные извержения отлично ими отчищаются.

Подтирался я еще курицей, петухом, цыпленком, телячьей шкурой, зайцем, голубем, бакланом, адвокатским мешком, капюшоном, чепцом, чучелом птицы.

В заключение, однако ж, я должен сказать следующее: лучшая в мире подтирка – это пушистый гусенок, уверяю вас, – только когда вы просовываете его себе между ног, то держите его за голову. Вашему отверстию в это время бывает необыкновенно приятно, во-первых, потому, что пух у гусенка нежный, а во-вторых, потому, что сам гусенок тепленький, и это тепло через задний проход и кишечник без труда проникает в область сердца и мозга. И напрасно вы думаете, будто всем своим блаженством в Елисейских полях герои и полубоги обязаны асфодеям, амброзии и нектару, как тут у нас болтают старухи. По-моему, все дело в том, что они подтираются гусятами, и таково мнение ученейшего Иоанна Скотта.

Глава XIV

О том, как некий богослов обучал Гаргантюа латыни

Послушав такие речи и удостоверившись, что Гаргантюа отличается возвышенным складом ума и необычайной сметливостью, добряк Грангузье пришел в совершенный восторг. Он сказал его нянькам:

– Филипп, царь македонский, понял, насколько умен его сын Александр, по тому, как ловко он правил конем. А ведь конь этот был лихой, с норовом, так что никто не решался на него сесть, – он сбрасывал всех: одному всаднику шею сломает, другому – ноги, этому голову проломит, тому челюсть вывихнет. Александр наблюдал за всем этим на ипподроме (так называлось то место, где вольтижировали и объезжали лошадей) и наконец пришел к заключению, что лошадь бесится от страха, а боится она своей же собственной тени. Тогда, вскочив на коня, он погнал его против солнца, так что тень падала сзади, и таким способом его приручил. И тут отец удостоверился, что у его сына воистину божественный разум, и взял ему в учителя не кого другого, как Аристотеля, которого тогда признавали за лучшего греческого философа. Я же скажу вам, что один этот разговор, который я сейчас вел в вашем присутствии с сыном моим Гаргантюа, убеждает

меня в том, что ум его заключает в себе нечто божественное, до того он остер, тонок, глубок и ясен; его надобно только обучить всем наукам, и он достигнет высшей степени мудрости. Того ради я намерен приставить к нему какого-нибудь ученого, и пусть ученый преподаст ему все, что только мой сын способен усвоить, а уж я ничего для этого не пожалею.

И точно: мальчику взяли в наставники великого богослова, магистра Тубала Олоферна⁸⁶, и магистр так хорошо сумел преподавать ему азбуку, что тот выучил ее наизусть в обратном порядке, для чего потребовалось пять лет и три месяца. Затем учитель прочел с ним *Доната*, *Фацет*, *Теодоле* и *Параболы* Алана⁸⁷, для чего потребовалось тринадцать лет, шесть месяцев и две недели.

Должно при этом заметить, что одновременно он учил Гаргантюа писать готическими буквами, и тот переписывал все свои учебники, ибо искусство книгопечатания тогда еще не было изобретено.

Большой письменный прибор, который обыкновенно приносил на уроки Гаргантюа, весил более семи тысяч квинталов, его пенал равнялся по величине и объему колоннам аббатства Эне, а чернильница висела на толстых железных це-

⁸⁶ *Тубал Олоферн*. – Тубал по-древнееврейски – «беспорядок»; Олоферн – имя не только царя Навуходоносора, убитого Юдифью, но также и известного астролога XV в.

⁸⁷ ...прочел с ним *Доната*, *Фацет*, *Теодоле* и *Параболы* ... – Перечисляются книги, составлявшие основу школьного преподавания в средние века. Авл Донат – известный римский грамматик (IV в.).

пях, вместимость же ее равнялась вместимости бочки.

Далее Тубал Олоферн прочел с ним *De modis significandi*⁸⁸ с комментариями Пустомелиуса, Оболтуса, Прудпруды, Галео, Жана Теленка, Грошемуцена и пропасть других, для чего потребовалось восемнадцать лет и одиннадцать с лишним месяцев. И все это Гаргантюа так хорошо усвоил, что на экзамене сумел ответить все наизусть в обратном порядке и доказал матери как дважды два, что *De modis significandi non erat scientia*.⁸⁹

Далее Тубал Олоферн прочел с ним *Календарь*, для чего потребовалось верных шестнадцать лет и два месяца, и тут означенный наставник скончался:

В год тысяча четыреста двадцатый
От люэса, что он поймал когда-то*.

Его сменил еще один старый хрен, магистр Дурако Простофиль, и тот прочел с ним Гугуция, *Греческий язык Эберара, Доктринал, Части речи, Quid est, Supplementum, Бестолкования, De moribus in mensa servandis, De quatuor virtutibus cardinalibus* Сенеки, Пассаванти *cum commento*, в праздничные дни *Dormi secure* и еще кое-что в этом же роде, отчего Гаргантюа так поумнел, что уж нам с вами никак бы за ним

⁸⁸ «О способах обозначения» (лат.).

⁸⁹ «О способах обозначения» не есть наука (лат.).

⁹⁰ «*О способах обозначения*» – средневековый учебник логики. Вслед за этим Рабле перечисляет и другие средневековые учебники. *Гугуций* – Гугуций Пизанский, епископ Феррарский (XIII в.), автор латинского этимологического словаря «Книга о происхождении слов»; *Греческий язык Эберара* Бетюнского – еще одно пособие, на сей раз по греческому (XII в.); *Доктринал* («Наставление для юнцов») Александра де Вильдье (XIII в.), неоднократно переиздававшийся в XVI в.; *Части речи* («О восьми частях речи») – грамматика; *Quid est* («Что есть») – учебник в форме катехизиса. Что же касается *Supplementum* («Дополнений»), то сочинений с таким названием было множество. *De moribus in mensa servandis* («О том, как должно вести себя за столом») – учебник светскости Сульпиция Веруламского (XV в.). *De quatuor virtutibus cardinalibus* («О четырех основных добродетелях») – нравоучительный трактат не Сенеки, а Мартина де Брага; такой же характер носит книга Якобо Пассаванти «Зерцало истинного покаяния» (XIV в.). *Dormi secure* («Покойся в мире») – собрание псалмов.

Глава XV

О том, как Гаргантюа был поручен заботам других воспитателей

Между тем отец стал замечать, что сын его, точно, оказывает большие успехи, что от книг его не оторвешь, но что впрок это ему не идет и что к довершению всего он глупеет, тупеет и час от часу становится рассеяннее и бестолковее.

Грангузье пожаловался на это дону Филиппу де Маре, вице-королю Папелигосскому, и услышал в ответ, что лучше совсем ничему не учиться, чем учиться по таким книгам под руководством таких наставников, ибо их наука — бредни, а их мудрость — напыщенный вздор, сбивающий с толку лучшие, благороднейшие умы и губящий цвет юношества.

— Коли на то пошло, — сказал вице-король, — пригласите к себе кого-нибудь из нынешних молодых людей, проучившихся года два, не больше. И вот если он уступит вашему сыну по части здравомыслия, красноречия, находчивости, общительности и благовоспитанности, можете считать меня последним вралем.

Грангузье эта мысль привела в восхищение, и он изъявил свое согласие.

Вечером, явившись к ужину, вышеназванный де Маре

привел с собой одного из юных своих пажей, Эвдемона⁹¹ из Вильгонжи, аккуратно причесанного, нарядного, чистенького, вежливого, скорее похожего на ангелочка, чем на мальчика, и, обратясь к Грангузье, сказал:

– Посмотрите на этого отрока. Ему еще нет двенадцати. Давайте удостоверимся, кто больше знает: старые празднословы или же современные молодые люди.

Грангузье согласился произвести этот опыт и велел пажу начинать. Тогда Эвдемон испросил дозволения у своего господина, вице-короля, встал и, держа шляпу в руках, устремив на Гаргантюа свой честный и уверенный взгляд и раскрыв румяные уста, с юношескою скромностью принялся славить его и превозносить: во-первых, за его добродетели и благонравие, во-вторых, за ученость, в-третьих, за благородство, в-четвертых, за телесную красоту, а засим стал в самых мягких выражениях убеждать его относиться к отцу с особым почтением за то, что отец, мол, сделал все от себя зависящее, чтобы дать сыну наилучшее образование. Под конец он обратился к Гаргантюа с просьбой считать его своим преданнейшим слугою, ибо сейчас он, Эвдемон, просит Небо только об одной, дескать, милости: с Божьей помощью чем-либо угодить Гаргантюа и оказать ему какую-либо важную услугу. Вся эта речь была произнесена внятно и громко на прекрасном латинском языке, весьма изысканным слогом, скорее напоминавшим слог доброго старого Гракха,

⁹¹ Эвдемон – счастливый (гр.).

Цицерона или же Эмилия⁹², чем современного юнца, и сопровождалась подобающими движениями.

Гаргантюа же вместо ответа заревел как корова и уткнулся носом в шляпу, и в эту минуту он был так же способен произнести речь, как дохлый осел – пукнуть.

Грангузье до того взбеленился, что чуть было не убил на месте магистра Дурако. Однако вышеупомянутый де Маре обратился к нему с красноречивым увещанием, и гнев Грангузье утих. Он велел уплатить наставнику жалованье, напоить его по-богословски, а затем отправить ко всем чертям.

– Эх, хоть бы он нынче нализался, как англичанин⁹³, и околел, – примолвил Грангузье, – тогда бы уж нам ничего не нужно было ему платить!

Когда магистр Дурако удалился, Грангузье спросил у вице-короля, кого бы он посоветовал взять в наставники Гаргантюа, и тут между ними было условлено, что эти обязанности примет на себя Понократ, воспитатель Эвдемона, и что они все вместе отправятся в Париж, дабы ознакомиться с тем, как там теперь поставлено обучение французских юношей.

⁹² ...напоминавшим слог доброго старого Гракха, Цицерона или же Эмилия... – Цицерон высоко оценивал ораторское мастерство Тиберия Гракха (162–133 до н. э.), римского аристократа, ставшего народным трибуном, и полководца Луция Эмилия (228–160 до н. э.).

⁹³ ...нализался, как англичанин... – В «Адагиях» Эразм Роттердамский цитирует пословицу: «Tam satur est quam anglus» («Он пьян, как англичанин»).

Глава XVI

О том, как Гаргантюа был отправлен в Париж, на какой громадной кобыле он ехал и как она уничтожила босских оводов

В это самое время Файоль, четвертый царь Нумидийский, прислал Грангузье из Африки самую огромную и высоченную кобылу, какую когда-либо видел свет, поистине чудо из чудес (вы же знаете, что в Африке все – необыкновенное): величиною она была с шесть слонов, на ногах у нее были пальцы, как у лошади Юлия Цезаря⁹⁴, уши длинные, как у лангедокских коз, а на заду торчал маленький рог. Масти она была рыжей с подпалинами и в серых яблоках. Но особенно страшен был у нее хвост: он был точь-в-точь такой толщины, как столп св. Марса⁹⁵, близ Ланже, и такой же четырехугольный, с пучками волос, торчавшими во все стороны, ни дать ни взять как хлебные колосья.

Если вас это удивляет, то еще более удивительными вам должны были бы показаться хвосты скифских баранов, ве-

⁹⁴ ...на ногах у нее были пальцы, как у лошади Юлия Цезаря... – Об этом рассказывается в «Естественной истории» Плиния (VIII, 42).

⁹⁵ Столп св. Марса – руины римской башни в одном километре от Сен-Мара (близ Шинона).

сившие более тридцати фунтов, или же баранов сирийских, к крупу которых (если верить Тено⁹⁶) приходится прилаживать особые тележки для хвоста, – до того он у них длинный и тяжелый. А вот у вас, потаскуны несчастные, таких хвостов нет!

Итак, кобыла была доставлена морем, на трех карраках и одной бригадине, в гавань Олонн, что в Тальмондуа.

При виде ее Грангузье воскликнул:

– Вот и хорошо! На ней мой сын отправится в Париж. Все пойдет как по маслу, ей-богу! Со временем из него выйдет знаменитый ученый. Учение, как говорится, – тьма, а неученье – свет.

На другой день Гаргантюа, его наставник Понократ⁹⁷ со своими слугами, а также юный паж Эвдемон выпили на дорожку как полагается и тронулись в путь. День выдался солнечный и погожий, а потому Грангузье распорядился, чтобы Гаргантюа надели желтые сапоги, – Бабен именует их полу-сапожками.⁹⁸

Во все продолжение пути они нимало не скучали и до самого Орлеана все подкреплялись и подкреплялись. Далее путь их лежал через дремучий лес в тридцать пять миль дли-

⁹⁶ Тено, Жан – автор «Путешествия в заморские страны» (ок. 1520). Он сообщает, что эти знаменитые бараны на самом деле были не сирийского, а суданского происхождения.

⁹⁷ Понократ – сильный, неутомимый (гр.).

⁹⁸ Полусапожки – их в то время носили под сапогами. В Шиноне работала семья сапожников по фамилии Бабен.

ной и семнадцать шириной или около того. В этом лесу была тьма-тьмушая оводов и слепней, представлявших собой истинный бич для несчастных кобылиц, ослов и коней. Но кобыла Гаргантюа честно отомстила за зло, причиненное всей ее родне, применив для этого способ, дотоле никому не приходивший в голову. Как скоро они въехали в указанный лес и на них напали слепни, кобыла привела в действие свой хвост и, начав им размахивать, смахнула не только слепней, но вместе с ними и весь лес. Вдоль, поперек, там, сям, с той стороны, с этой, в длину, в ширину, снизу вверх, сверху вниз она косила деревья, как косарь траву. Словом, не осталось ни леса, ни слепней, – одно ровное поле, и ничего больше.

Гаргантюа это доставило видимое удовольствие, однако ж он не возгордился, – он только сказал своим спутникам:

– Ну, теперь здесь всякому гнусу – тубо-с!

И с той поры край этот стал называться Бос.

Что же касается закусочки, то путники блохой закусили и больше не просили. И в память этого босские дворяне до сего времени закусывают блохой, да еще и похваляют, да еще и облизываются.

Наконец путники прибыли в Париж, и денька два после этого Гаргантюа отдыхал, пировал со своими друзьями-приятелями и всех расспрашивал, какие тут есть ученые и какому вину в этом городе отдают предпочтение.

Глава XVII

О том, как Гаргантюа отплатил парижанам за оказанный ему прием и как он унес большие колокола с Собора Богоматери

Отдохнув несколько дней, Гаргантюа пошел осматривать город, и все глазели на него с великим изумлением: должно заметить, что в Париже живут такие олухи, тупицы и зеваки, что любой фигляр, торговец реликвиями, мул с бубенцами или же уличный музыкант соберут здесь больше народа, нежели хороший проповедник.⁹⁹

И так неотступно они его преследовали, что он вынужден был усесться на башни Собора Богоматери. Посиживая на башнях и видя, сколько внизу собралось народа, он объявил во всеуслышание:

– Должно полагать, эти протобестии ждут, чтобы я уплатил им за въезд и за прием. Добро! С кем угодно готов держать пари, что я их сейчас попотчую вином, но только для смеха.

С этими словами он, посмеиваясь, отстегнул свой несрав-

⁹⁹ ...хороший проповедник. – В оригинале – «хороший проповедник-евангелист»; Рабле противопоставляет «торговцев реликвиями» реформатам, отдавая предпочтение последним.

ненный гульфик, извлек оттуда нечто и столь обильно оросил собравшихся, что двести шестьдесят тысяч четыреста восемнадцать человек утонули, не считая женщин и детей.

Лишь немногим благодаря проворству ног удалось спастись от наводнения; когда же они очутились в верхней части Университетского квартала, то, обливаясь потом, откашливаясь, отплеываясь, отдуваясь, начали клясться и божиться, иные – в гневе, иные – со смехом:

– Клянусь язвами исподними, истинный рог, отсохни у меня что хочешь, клянусь раками, *po cab de bious, das dich Gots leiden shend, pote de Christo*¹⁰⁰, клянусь чревом святого Кене, ей-же-ей, клянусь святым Фиакром Брийским, святым Треньяном, свидетель мне – святой Тибо, клянусь Господней Пасхой, клянусь Рождеством, пусть меня черт возьмет, клянусь святой Сосиской, святым Хродегангом, которого побили печеными яблоками, святым апостолом Препобаием, святым Удом, святой угодницей Милашкой, ну и оказал же он нас, ну и пари ж он придумал для смеха!

Так с тех пор и называли этот город – Париж, а прежде, как утверждает в кн. IV Страбон, он назывался Левкецией, что по-гречески означает *Белянка*, по причине особой белизны бедер у местных дам. А так как все, кто присутствовал при переименовании города, не оставили в покое святых своего прихода, ибо парижане, народ разношерстный и разнокали-

¹⁰⁰ Голова Господня! (*гасконск.*); страсти Господни, стыда в тебе нет (*нем.*); голова Христова (*ит.*).

берный, по природе своей не только отменные законники, но и отменные похабники, отличающиеся к тому же некоторой заносчивостью, то это дало основание Иоаннинусу де Барранко в книге *De copiositate reverentiarum*¹⁰¹ утверждать, что слово *парижане* происходит от греческого *паррезiane*, то есть *невоздержные на язык*.

Засим Гаргантюа осмотрел большие колокола, висевшие на соборных башнях, и весьма мелодично в них зазвонил. Тут ему пришло в голову, что они с успехом могли бы заменить бубенцы на шее у его кобылы, каковую он собирался отправить к отцу с немалым грузом сыра бри и свежих сельдей, а посему он унес колокола к себе.

Тем временем в Париж прибыл на предмет сбора свинины ветчинный командор ордена св. Антония¹⁰². Он тоже намеревался потихоньку унести колокола, чтобы издали было слышно, что едет командор, и чтобы свиное сало в кладовых заранее дрожало от страха, что его заберут; но, будучи человеком честным, он все же их не похитил, и не потому, чтобы они жгли ему руки, а потому, что они были слегка тяжело-ваты.

Не следует, однако, смешивать этого командора с командором бургским, близким моим другом.

¹⁰¹ «О благоговении, в изобилии питаемом» (лат.).

¹⁰² *Ветчинный командор*. — Командор ордена св. Антония в городе Бург-ан-Бресс Антуан дю Сэ был также поэтом и в одном из своих посланий назвал себя «ветчинником».

Весь город пришел в волнение, а ведь вам известно, какие здесь живут смутьяны: недаром иностранцы удивляются долготерпению, а вернее сказать, тупоумию французских королей, которые, видя, что каждый день от этого происходят беспорядки, не прибегают к крайним мерам для того, чтобы их прекратить. Эх, если б я только знал, где находится гнездо этих еретиков и заговорщиков, я бы их обличил перед лицом всех братств моего прихода!

Так вот, изволите ли видеть, толпа, ошалев и всполошившись, бросилась к Сорбонне, где находился в то время (теперь его уже нет) оракул Левкеции. Ему изложили суть дела и перечислили проистекающие из похищения колоколов неудобства. После того, как были взвешены все *pro* и *contra*¹⁰³ по фигуре *Baralipton*, было решено послать к Гаргантюа старейшего и достойнейшего представителя богословского факультета, дабы указать ему на крайние неудобства, сопряженные с потерей колоколов. И, несмотря на возражения со стороны некоторых деятелей университета, доказывавших, что подобное поручение более приличествует ритору, нежели богослову, выбор пал на высокочтимого магистра Ианотуса де Брагмардо.

¹⁰³ За и против (лат.).

Глава XVIII

О том, как Ианотус де Брагмардо был послан к Гаргантюа, чтобы получить у него обратно большие колокола

Магистр Ианотус, причесавшись под Юлия Цезаря¹⁰⁴, надев на голову богословскую шапочку, вволю накушавшись пирожков с вареньем и запив святой водицей из погреба¹⁰⁵, отправился к Гаргантюа, причем впереди выступали три краснорожих пристава, которые если уж пристанут, так от них не отвяжешься, а замыкали шествие человек пять не весьма казистых магистров наук, все до одного грязнее грязи.

У входа их встретил Понократ, и вид этих людей привел его в ужас; наконец он решил, что это ряженые, и обратился к одному из вышеупомянутых неказистых магистров с вопросом, что сей маскарад означает. Тот ответил, что они просят вернуть колокола.

Услышав такие речи, Понократ поспешил предупредить Гаргантюа, чтобы он знал, что ему отвечать, и чтобы он незамедлительно принял решение. Получив таковые сведения, Гаргантюа отозвал в сторону Понократа, своего наставника,

¹⁰⁴ ...причесавшись под Юлия Цезаря... – Цезарь был лыс.

¹⁰⁵ ...святой водицей из погреба... – так Рабле иносказательно именует вино.

Филотомия¹⁰⁶, своего дворецкого, Гимнаста, своего конюшего, и, наконец, Эвдемона и попросил у них у всех совета, что ему делать и что отвечать. Все сошлись на том, что гостей должно препроводить в буфетную и напоить их по-богословски; а дабы старый хрен не кичился тем, что колокола возвращены благодаря его настояниям, решили послать, пока он будет тут бражничать, за префектом города, ректором факультета и викарным епископом и передать им колокола прежде, нежели богослов успеет изложить свою просьбу. Далее решено было предоставить ученому мужу возможность произнести в присутствии вышеуказанных лиц его блестящую речь.

И точно: когда все собрались, богослова ввели в переполненную залу, и он, откашлявшись, начал так.

¹⁰⁶ *Филотомий* – любитель разрезать (гр.).

Глава XIX

Речь магистра Ианотуса де Брагмардо, в которой он обращается к Гаргантюа с просьбой вернуть колокола

– Ках, ках, кха! *Mna dies*¹⁰⁷, милостивый государь, *mna dies, et vobis*¹⁰⁸, милостивые государи! Как бы это было хорошо, если б вы вернули нам колокола, ибо мы испытываем в них крайнюю необходимость! Кхе, кхе, кха! Много лет тому назад мы не отдали их за большие деньги кагорским лондонцам, равно как и брийским бордосцам¹⁰⁹, коих пленили субстанциональные достоинства их элементарной комплекции, укореневающиеся в земнородности их квиддитативной натуры и порождающие способность разгонять лунный гало и предохранять от стихийных бедствий наши виноградники, то есть, собственно говоря, не наши, но окрестные, а ведь если мы лишимся крепких напитков, то мы утратим и все наше имение и все наше разумение.

¹⁰⁷ Добрый день (*искаж. лат.*). *Mna dies* – вместо *bona dies* – добрый день. Магистр говорит скороговоркой и искажает слова.

¹⁰⁸ Добрый день, и вам также (*искаж. лат.*).

¹⁰⁹ ...кагорским лондонцам и брийским бордосцам... – Имеются в виду деревушки Лондр в провинции Кагор и Бордо в провинции Клэ.

Если вы исполните мою просьбу, то я заработаю десять пядей сосисок и отличные штаны, в которых будет очень удобно моим ногам, в противном же случае пославшие меня окажутся обманщиками. А ей-богу, *domine*¹¹⁰, хорошая вещь – штаны, *et vir sapiens non abhorrebit eam!*¹¹¹ Ах! Ах! Не у всякого есть штаны, это я хорошо знаю по себе! Примите в соображение, *domine*, что я восемнадцать дней испальцовывал эту блестящую мухоморительную речь. *Reddite que sunt Cesaris Cesari, et que sunt Dei Deo. Ibi jacet lepus.*¹¹²

По чести, *domine*, если вы желаете отужинать со мной *in camera*, черт побери, *charitatis, nos faciemus bonum cherubin. Ego occidi unum porcum, et ego habet bon vino*¹¹³. А из доброго *vini* не сделать дурной латыни.

Итак, *de parte Dei, date nobis clochas nostras*¹¹⁴. Послушайте, я вам подарю на память от всего нашего факультета *sermones de Utino, utinam*¹¹⁵ вы нам отдали наши колокола. *Vultis etiam pardonos? Per Diem, vos habebitis et nihil*

¹¹⁰ Господин мой (*лат.*).

¹¹¹ И человек мудрый ею не погнушается! (*лат.*)

¹¹² Воздайте кесарево кесарю, а Богу Богово. Вот где зарыта собака (*лат.*).

¹¹³ В храмине, черт побери, милосердия мы славно подзаправимся. Я заколол свинку, найдется у меня и доброе вино (*средневековая латынь* – испорченная, так называемая «кухонная» или нарочито искажаемая, макароническая. – *Примеч. пер.*).

¹¹⁴ Бога ради, отдайте нам наши колокола (*средневеков. лат.*).

¹¹⁵ Проповеди Удины, лишь бы только (*средневеков. лат.*). – Речь идет о Леонардо Маттеи Удинском, известном проповеднике конца XV в.

*poyabit.*¹¹⁶

О милостивый государь, *o domine, clochidonnaminor nobis!*¹¹⁷ Ведь это *est bonum urbis*¹¹⁸. В них нуждаются все поголовно. Если вашей кобыле от них польза, следственно, и нашему факультету, *que comparata est jumentis insipientibus et similis facta est eis psalmo nescio quo*¹¹⁹, – это у меня где-то записано на клочке, – *et est unum bonum Achilles*¹²⁰. Кихи, каха, кха!

Вот я вам сейчас докажу, что вы должны мне вернуть их!
Ego sic argumentor:

*Omnis clocha clochabilis, in clocherio clochando, clochans clochativo clochare facit clochabiliter clochantes. Parisius habet clochas. Ergo plus.*¹²¹

Ха-ха-ха! Недурно сказано! Точь-в-точь *in tertio prime*¹²²,

¹¹⁶ Вам нужны отпущения? Ей-же-ей, вы их получите, и к тому же безвозмездно (*средневеков. лат.*).

¹¹⁷ Господин, околородетельствуй нас! (*средневеков. лат.*)

¹¹⁸ Достояние города (*лат.*).

¹¹⁹ Каковой уподоблен был скотам неразумным и сравнился с ними, смотри псалом, не знаю какой (*лат.*).

¹²⁰ Это Ахилл на славу (*средневеков. лат.*). Ахилл – так на школьном жаргоне именовался сильный аргумент.

¹²¹ Я рассуждаю следующим образом: всякий колокол колокольный, на колокольные колокольствующие, колокола колокольно, колоколение вызывает у колокольствующих колокольственное. В Париже имеются колокола. Что и требовалось доказать (*средневеков. лат.*).

¹²² По третьему модусу первой фигуры (*лат.*).

по *Darii*¹²³ или какому-то еще. Истинный Бог, когда-то я мастер был рассуждать, а теперь вот могу только дичь пороть, и ничего мне больше не нужно, кроме доброго вина и мягкой постели. Спину поближе к огню, брюхо поближе к столу, да чтобы миска была до краев!

Ах, *domine*, прошу вас *in nomine Patris et Filii et Spiritus Sancti amen*¹²⁴, верните нам колокола, и да хранят вас от всех болезней и здравия да ниспошлют вам Господь Бог и Царица Небесная, *qui vivit et regnat per omnia secula seculorum, amen!*¹²⁵ Кихи, каха, кихи, каха, кххха!

*Verum enim vero, quando quidem, dubio procul, edepol, quoniam, ita certe, meus Deus fidus*¹²⁶, город без колоколов – все равно что слепец без клюки, осел без пахвей, корова без бубенчиков. Пока вы нам их не вернете, мы будем вызывать к вам, как слепец, потерявший клюку, верещать, как осел без пахвей, и реветь, как корова без бубенчиков.

Некий латинист, проживающий недалеко от больницы, однажды, процитировав светского поэта Балдануса, – то есть, виноват, Понтануса¹²⁷, – изъявил желание, чтобы самые

¹²³ Название этого модуса. – *Примеч. пер.*

¹²⁴ Во имя Отца и Сына и Святого Духа аминь! (*лат.*)

¹²⁵ Его же царствию не будет конца, аминь! (*лат.*).

¹²⁶ Но, однако же, поелику, без сомнения, клянусь Поллуксом, коль скоро, во всяком случае, Бог свидетель (*лат.*).

¹²⁷ *Понтанус* – итальянский философ, историк и поэт Джованни Понтано (1429–1503), писавший на латыни. В своем диалоге «Харон» он действительно упоминает о колоколах, однако Рабле имеет в виду в данном случае «Корабль

колокола были сделаны из перьев, а языки – из лисьих хвостов, иначе, мол, у него от них мозговая колика начинается, когда он плетет свои стихообразные вирши. Но за это самое, туки-тук, туки-тук, лясь, хрясь, вверх тормашки, кувырком, его у нас объявили еретиком, – ведь мы еретиков, как блины, печем. А засим, как говорится: «Свидетель, вы свободны!» *Valete et plaudite. Calepinus recensui.*¹²⁸

дураков» (1494) Себастьяна Бранта (1458–1521).

¹²⁸ Прощайте и хлопайте. Я, Калепино, проверку окончил (лат.). *Прощайте и хлопайте* – формула, которой обычно оканчивалась римская комедия. *Калепино*, Амброзио – автор известного во времена Рабле четырехязычного словаря.

Глава XX

О том, как богослов унес свое сукно и как у него началась тяжба с другими сорбоннистами

Когда богослов окончил свою речь, Понократ и Эвдемон залились таким неудержимым хохотом, что чуть было не отдали Богу душу, – точь-в-точь как Красс при виде осла, глотавшего репейники, или Филемон, который умер от смеха при виде осла, пожиравшего фиги, приготовленные к обеду. Глядя на них, захохотал и магистр Ианотус, – причем неизвестно, кто смеялся громче, – так что в конце концов на глазах у всех выступили слезы, ибо от сильного сотрясения мозговое вещество отжало слезную жидкость, и она притекла к глазным нервам. Таким образом, они изобразили собой гераклитствующего Демокрита и демокритствующего Гераклита.

Когда же все вволю насмеялись, Гаргантюа обратился за советом к своим приближенным, как ему поступить. Понократ высказал мнение, что блестящего оратора следует еще раз напоить и, ввиду того что он их развлек и насмешил почище самого Сонжеккре, выдать ему десять пядей сосисок, упомянутых в его игривой речи, штаны, триста больших поленьев, двадцать пять бочек вина, постель с тремя перинами

гусиного пера и весьма объемистую и глубокую миску, – словом, все, в чем, по его словам, он на старости лет нуждался.

Все это и было ему выдано, за исключением штанов, ибо Гаргантюа усомнился, чтобы так, сразу, можно было найти оратору подходящего размера штаны; к тому же Гаргантюа не знал, какой фасон приличествует магистру: с форточкой ли наподобие подъемного и опускного моста¹²⁹, которая упрощает задней части отправление естественной потребности, морской ли фасон, упрощающий мочеиспускание, швейцарский ли¹³⁰, чтобы пузу было теплее, или же с прорезами, чтобы не жарко было пояснице; а потому он велел вместо штанов выдать оратору семь локтей черного сукна и три локтя белой материи на подкладку. Дрова отнесли ему на дом носильщики; сосиски и миску понесли магистры наук; сукно пожелал нести сам магистр Ианотус. Один из упомянутых магистров, по имени Жус Бандуй, заметил, что богослову это не пристало и не подобает, а посему пусть, мол, он передаст сукно кому-нибудь из них.

– Ах ты, ослина, ослина! – воскликнул Ианотус. – Не умеешь ты выводить заключения *in modo et figura*¹³¹. Не пошли тебе, видно, впрок *Предположения* и *Parva logicalia*! *Panius*

¹²⁹ ...наподобие подъемного и опускного моста... – Имеются в виду штаны со специальным, легко отстегивающимся сзади лоскутом.

¹³⁰ ...швейцарский ли... – На костюме швейцарцев было множество аксессуаров.

¹³¹ По модусу и фигуре (лат.).

pro quo supponit?

– *Confuse et distributive*¹³², – отвечал Бандуй.

– Я тебя не спрашиваю, ослина, *quo modo supponit*, но *pro quo*¹³³. Ясно, ослина, что *pro tibiis meis*¹³⁴. Следственно, сукно понесу я, *egomet, sicut suppositum portat adpositum*.¹³⁵

И он понес его крадучись, как Патлен.

Однако на этом дело не кончилось: старый хрен еще раз торжественно потребовал штаны и сосиски на пленарном заседании в Сорбонне, но ему было в этом решительно отказано на том основании, что, по имеющимся сведениям, он уже все получил от Гаргантюа. Магистр Ианотус возразил, что то было сделано *gratis*¹³⁶ благодаря щедрости Гаргантюа, какая-де не освобождает сорбонников от исполнения данных обещаний. Со всем тем ему было сказано, что с ним рассчитались по справедливости и больше он ни шиша не получит.

– По справедливости? – возопил Ианотус. – Да у вас тут ею и не пахнет. Ах, подлецы вы этакие, дрянь паршивая! Свет еще не видел таких мерзавцев, как вы. Уж я-то знаю вас как свои пять пальцев, – чего же вы припадаете на ногу перед хромым? Ведь я делал всякие пакости вместе с вами. Вот,

¹³² Малые логикалии! Сукно к чему приложимо?– Бессистемно и к разным лицам (*лат.*)

¹³³ Каким образом приложимо, но к чему (*лат.*).

¹³⁴ К моим голеням (*лат.*).

¹³⁵ Я сам, подобно тому как субстанция несет акциденцию (*лат.*).

¹³⁶ Бескорыстно (*лат.*).

отсохни у меня селезенка, донесу я уже королю о тех страшных беззакониях, которые вы здесь замышляете и творите, и пусть на меня нападет проказа, если он не велит всех вас сжечь живьем, как мужеложцев, злодеев, еретиков и соблазнительей, отверженных самим Богом и добродетелью!

За эти слова его привлекли к суду, но он добился отсрочки судебного разбирательства. В общем, тяжба затянулась и тянется доныне. По сему случаю сорбонники дали обет не мыться, а Ианотус и иже с ним дали обет не утирать носа до тех пор, пока не будет вынесен окончательный приговор.

Во исполнение данных обетов они и до сей поры пребывают грязными и сопливыми, ибо суд еще не раскумекал это дело до тонкости. Приговор последует в ближайшие греческие календы, иными словами, никогда не последует, – вы же знаете, что судьи сильнее самой природы и даже своих собственных законов. Так, например, согласно парижским кодексам един Бог властен продолжать что-либо до бесконечности. Природа сама по себе не создает ничего бессмертного, ибо всему произведенному ею на свет она же сама полагает предел и конец: *omnia orta cadunt*¹³⁷ и т. д. Но усилиями этих крючкотворов разбираемые ими тяжбы становятся бесконечными и бессмертными. Таким образом, они подтверждают справедливость изречения, принадлежащего Хилону Лакедемонянину и вошедшего в поговорку у дельфий-

¹³⁷ Все рожденное обречено гибели (лат.).

цев: нищета – подруга тяжбы¹³⁸, а все тяжущиеся – нищие, ибо скорее настанет конец их жизни, нежели конец тому делу, которое они возбудили.

¹³⁸ *Нищета – подруга тяжбы.* – Согласно Плинию, это изречение мудреца Хилона было начертано на стене храма Аполлона в Дельфах.

Глава XXI

О том, чем занимался Гаргантюа по расписанию, составленному его учителями-сорбонниками

Спустя несколько дней по прибытии Гаргантюа в Париж колокола были водворены на место, и парижане в знак благодарности за этот великодушный поступок обратились к нему с предложением кормить и содержать его кобылицу, сколько он пожелает, к каковому предложению Гаргантюа отнесся весьма благосклонно, вследствие чего кобылицу отправили в Бьерский лес¹³⁹. Полагаю, Впрочем, что теперь ее уже там нет.

После этого Гаргантюа возымел охоту со всем возможным прилежанием начать заниматься под руководством Понократа, но тот для начала велел ему следовать прежней методе: Понократу нужно было уяснить себе, каким способом за столь долгий срок бывшие наставники Гаргантюа ничего не сумели добиться и он вышел у них таким олухом, глупцом и неучем.

Время Гаргантюа было распределено таким образом, что просыпался он обыкновенно между восемью и девятью ча-

¹³⁹ *Бьерский лес* находился в районе Фонтенбло. В XVI в. леса еще служили пастбищами.

сами утра, независимо от того, светло на дворе или нет, – так ему предписали наставники-богословы, ссылавшиеся на слова Давида: *Vanum est vobis ante lucem surgere*.¹⁴⁰

Некоторое время он для прилива животных токов болтал ногами, прыгал и валялся в постели, затем одевался глядя по времени года, причем особенной его любовью пользовался широкий и длинный плащ из плотной фризской ткани, подбитый лисьим мехом; потом причесывался альменовским гребнем¹⁴¹, сиречь пятерней, ибо наставники твердили ему, что причесываться иначе, чиститься и мыться – это значит даром терять время, отведенное для земной жизни.

Засим он испражнялся, мочился, харкал, рыгал, пукал, зевал, плевал, кашлял, икал, чихал, сморкался, как архидьякон, и, наконец, завтракал, а на завтрак, чтобы ему не повредили ни сырость, ни сквозняк, подавались превосходные варенные потроха, жареное мясо, отменная ветчина, чудесная жареная козлятина и в большом количестве ломтики хлеба, смоченные в супе.

Понократ заметил, что, встав с постели, нужно сейчас же проделать некоторые упражнения, а не набрасываться на еду. Но Гаргантюа возразил:

– Как? Разве я недостаточно упражняюсь? Прежде чем

¹⁴⁰ Напрасно вы до света встаете (лат.). – Ср. «Напрасно вы рано встаете...» (Псалтирь, 126:2). Этот стих традиционно цитируется в ироничном плане.

¹⁴¹ ...причесывался альменовским гребнем... – Имеется в виду Жак Альмен, теолог начала XVI в.

встать, я раз семь перевернусь с боку на бок. Неужели этого мало? Папа Александр по совету врача-еврея¹⁴² делал то же самое и назло завистникам дожил до самой своей смерти. Меня к этому приучили мои бывшие учителя, – они говорили, что завтрак хорошо действует на память, и по этой причине за завтраком, никого не дожидаясь, выпивали. Я от этого чувствую себя прекрасно и только с большим аппетитом ем. Магистр Тубал говорил мне, – а он здесь, в Париже, лучше всех сдал на лиценциата: дело, мол, не в том, чтобы быстро бегать, а в том, чтобы выбежать пораньше; так же точно, если человек хочет быть в добром здравье, то не следует пить, и пить, и пить бесперечь, как утка, – достаточно выпить с утра. *Unde versus*:¹⁴³

Беда с утра чуть свет вставать –
С утра полезней выпивать*.

Плотно позавтракав, Гаргантюа шел в церковь, а за ним в огромной корзине несли толстый, засаленный, завернутый в мешок служебник, весивший вместе с салом, застежками и пергаментом не более и не менее как одиннадцать квинталов шесть фунтов. В церкви Гаргантюа выстаивал от двадцати шести до тридцати месс. Тем временем подходил и его домашний священник, весь закутанный, похожий на хохлатую

¹⁴² *Врач-еврей* – Бонне Латский – медик и астролог, прибывший в Рим из Прованса.

¹⁴³ Откуда стихи (*лат.*).

птицу, отлично умевший очищать свое дыхание изрядным количеством виноградного соку. Вместе с Гаргантюа он проформатовал все ектеньи и так старательно их вышелушивал, что зря не пропадало ни одного зерна.

Когда Гаргантюа выходил из церкви, ему подвозили на телеге, запряженной волами, груды четок св. Клавдия¹⁴⁴, причем каждая бусинка была величиною с человеческую голову, и, гуляя по монастырскому дворику, по галереям и по саду, Гаргантюа прочитывал столько молитв, сколько не могли бы прочитать шестнадцать отшельников.

Потом на какие-нибудь несчастные полчаса он утыкался в книгу, но, по выражению одного комика¹⁴⁵, «душа его была на кухне».

Далее, напрудив полный горшок, он садился обедать, а так как был он от природы флегматиком, то и начинал с нескольких десятков окороков, с копченых бычьих языков, икры, колбасы и других навинопозывающих закусок.

Тем временем четверо слуг один за другим непрерывно кидали ему в рот полные лопаты горчицы; затем он, чтобы предотвратить раздражение почек, единым духом выпивал невесть сколько белого вина. После этого он ел мясо – какое именно, это зависело от времени года, ел сколько влезет и

¹⁴⁴ ...груды четок св. Клавдия... – Неточность в переводе: имеется в виду город Сен-Клод в кантоне Юра, где изготавливали отличные деревянные четки.

¹⁴⁵ ...по выражению одного комика... – Приведена цитата из «Евнуха» (161 до н. э.) римского комедиографа Публия Теренция (195–159 до н. э.).

прекращал еду не прежде, чем у него начинало пучить живот.

Зато для питья никаких пределов и никаких правил не существовало, ибо он держался мнения, что границей и рубежом для пьющего является тот миг, когда пробковые стельки его туфель разбухнут на полфута.

Глава XXII

Игры Гаргантюа¹⁴⁶

Затем Гаргантюа, еле ворочая языком, бормотал самый кончик благодарственной молитвы, выпивал разгонную и ковырял в зубах кабаньей костью, после чего начинал оживленно болтать со слугами. Слуги расстилали зеленое сукно и раскладывали видимо-невидимо карт, видимо-невидимо костей и пропасть шашечных досок. Гаргантюа играл:

в свои козыри,
в четыре карты,
в большой шлем,
в триумф,
в пикардийку,
в сто,
в несчастную,
в плутни,
в кто больше десяти,
в тридцать одно,
в триста,
в несчастного,

¹⁴⁶ *Игры Гаргантюа.* – В списке игр (в оригинале их 217) есть определенная логика: вначале идут карточные игры (до «онеров»), затем настольные (от шахмат до «бабу»), игры на свежем воздухе, в том числе спортивные, загадки и пр. *Тарок* в эпоху Рабле еще не был распространен во Франции (игра возникла в Италии в XV в.).

в перевернутую карту,
в недовольного,
в ландскнехта,
в кукушку,
в *ний-над-жок-фор*,
в марьяж,
в две карты,
в тарок,
в *кто взял, тот проиграл*,
в глик,
в онеры,
в мурр,
в шахматы,
в лису,
в фишки,
в коровы,
в белую дамку,
в шашки,
в бабу,
в *primus, secundus*¹⁴⁷,
в ножик,
в ключи,
в чет и нечет,
в решетку,
в камушки,
в шары,
в башмак,
в сову,

¹⁴⁷ Первый, второй (*лат.*).

в зайчонка,
в тирлитантэн,
в *поросенок, вперед,*
в сороку,
в *р о жки, р о жки,*
в бычка,
в совушку-сову,
в *засмейся, не хочу,*
в *курочка, клюнь, клюнь,*
в *расковать осла,*
в *но, пошел,*
в *но, но,*
в *сажусь,*
в жмурки,
в дичка,
в догонялки,
в *куманечек, дай мне твой*
мешочек,
в три кости,
в ник-нок,
в триктрак,
в марсельские фиги,
в *ищи вора,*
в *драть козла,*
в *продаем овес,*
в *раздувай уголек,*
в прятки,
в судью живого и
судью мертвого,

в таскай утюги из
печки,
в перепелов,
в щипки,
в грушу,
в пимпомпэ,
в триори,
в круг,
в свинью,
в живот на живот,
в кубики,
в палочки,
в кружок,
в я здесь,
в фук,
в кегли,
в вертуна,
в колачик,
в тронь навоз,
в Анженар,
в шарик,
в волан,
в разбей горшок,
в будь по-моему,
в палочку,
в булавку,
в хорька,
в бабки,
в замок,

в лунки,
в кожаный мяч,
в пятнашки,
в *где ветка?*
в *сегодня пост,*
в развилину дуба,
в чехарду,
в волчью стаю,
в *пукни в нос,*
в *Гильмен, подай копье,*
в качели,
в тринадцатого,
в березку,
в муху,
в *му-му, мой бычок,*
в мнения,
в девять рук,
в шапифу,
в мосты,
в Колен бриде,
в ворона,
в кокантен,
в Колен майяр,
в мирлимофль,
в сыщика,
в жабу,
в костыль,
в бильбоке,
в ремесла,

в булавочки,
в косточки,
в буку,
в щелчки,
в решето,
в *сеем овес*,
в обжору,
в мельницу,
в *чур меня*,
в прыжки,
в *под зад коленкой*,
в храпуна,
в волчок,
в монаха,
в волка,
в челнок,
в *величаем тебя, святой Косма*,
в соленый зад,
в голубка,
в *прыг через вязанку*,
в *прыг через кустик*,
в фигу,
в пахаря,
в филина,
в *стук, стук лбами*,
в мертвого зверя,
в *выше, выше*,
лесенка,
в дохлого поросенка,

в растирай горчицу,
в пикандо,
в ворона,
в жаворонков,
в журавля.

Вволю наигравшись, просеяв, провеяв и проведя свое время сквозь решето, Гаргантюа почитал за нужное немножко выпить, – не больше одиннадцати кувшинов зараз, – а потом сейчас же вытянуться на доброй скамейке или же на доброй мягкой постели да часика два поспать сном праведника.

Пробудившись, он некоторое время протирает глаза. Тут ему приносили холодного вина; пил он его с особым вкусом.

Понократ пытался внушить ему, что пить прямо со сна вредно для здоровья.

– Но ведь так жили святые отцы, – возражал Гаргантюа. – Тем более сон у меня от природы какой-то соленый: во сне я словно все время ем ветчину.

Затем он нехотя принимался за уроки и прежде всего – за молитвы; запасшись четками, чтобы все было чин чинном, он сидел на старого мула, служившего уже девяти королям, и, бормоча себе под нос и покачивая головой, отправлялся вынуть из западни кролика.

По возвращении он заходил на кухню узнать, что жарится на вертеле.

И ужинал он, – скажу вам по чистой совести, – отлично и часто приглашал к себе кое-кого из своих соседей, любите-

лей выпить; и он от них не отставал, а они ему рассказывали небывальщины, и старые и новые. Домочадцами его были, между прочим, сеньоры дю Фу¹⁴⁸, де Гурвиль, де Гриньо и де Мариньи.

После ужина снова появлялись в большом количестве прекрасные деревянные евангелия¹⁴⁹, то есть шашечные доски; или дулись в свои козыри, перед тем же как разойтись – в банк, а не то так шли к девицам и по дороге туда и по дороге обратно выпивали и закусывали, выпивали и закусывали. Затем Гаргантюа спал восемь часов кряду.

¹⁴⁸ *Сеньор дю Фу* – скорее всего Жак дю Фу, королевский стольник. Остальные имена в списке – также реальные лица, знатные дворяне.

¹⁴⁹ *Деревянные евангелия* – доски для игры в кости или шашки, которые раскрывались подобно книгам.

Глава XXIII

О мет о де, применявшейся Понократом, благодаря которой у Гаргантюа не пропадало зря ни одного часа

Увидев, какой неправильный образ жизни ведет Гаргантюа, Понократ решился обучить его наукам иначе, однако ж на первых порах не нарушил заведенного порядка, ибо он полагал, что без сильного потрясения природа не терпит внезапных перемен. Чтобы у него лучше пошло дело, Понократ обратился к одному сведущему врачу того времени, магистру Теодору, с просьбой, не может ли он наставить Гаргантюа на путь истинный; магистр по всем правилам медицины дал Гаргантюа антикирской чемерицы и с помощью этого снадобья излечил его больной мозг и очистил от всякой скверны. Тем же самым способом Понократ заставил Гаргантюа забыть все, чему его научили прежние воспитатели, — так же точно поступал Тимофей с теми из своих учеников, которые прежде брали уроки у других музыкантов.

Чтобы вернее достигнуть своей цели, Понократ ввел Гаргантюа в общество местных ученых, соревнование с коими должно было поднять его дух и усилить в нем желание зани-

маться по-иному и отличиться.

Затем он составил план занятий таким образом, что Гаргантюа не терял зря ни часу: все его время уходило на приобретение полезных знаний.

Итак, вставал Гаргантюа около четырех часов утра. В то время как его растирали, он должен был прослушать несколько страниц из Священного писания, которое ему читали громко и внятно, с особым выражением, для каковой цели был нанят юный паж по имени Анагност¹⁵⁰, родом из Баше. Содержание читаемых отрывков часто оказывало на Гаргантюа такое действие, что он проникался особым благоговением и любовью к Богу, славил Его и молился Ему, ибо Священное писание открывало перед ним Его величие и мудрость неизреченную.

Затем Гаргантюа отправлялся в одно место, дабы извергнуть из себя экскременты. Там наставник повторял с ним прочитанное и разъяснял все, что было ему непонятно и трудно.¹⁵¹

На возвратном пути они наблюдали, в каком состоянии находится небесная сфера, такая ли она, как была вчера вечером, и определяли, под каким знаком зодиака восходит сегодня солнце и под каким луна.

После этого Гаргантюа одевали, причесывали, завивали,

¹⁵⁰ Анагност – чтец (гр.).

¹⁵¹ Там наставник повторял с ним прочитанное... – Знать имела обыкновение ходить в «кабинеты задумчивости» в сопровождении слуг.

наряжали, опрыскивали духами и в течение всего этого времени повторяли с ним заданные накануне уроки. Он отвечал их наизусть и тут же старался применить к каким-либо случаям из жизни; продолжалось это часа два-три и обыкновенно кончалось к тому времени, когда он был совсем одет.

Затем три часа он слушал чтение.

После этого выходили на воздух и, по дороге обсуждая содержание прочитанного, отправлялись ради гимнастических упражнений в Брак или же шли в луга и там играли в мяч, в лапту, в пиль тригон, столь же искусно развивая телесные силы, как только что развивали силы духовные.

В играх этих не было ничего принудительного: они бросали партию когда хотели и обыкновенно прекращали игру чуть только, бывало, вспотеют или же утомятся. Сухо-насухо обтерев все тело, они меняли сорочки и гуляющей походкой шли узнать, не готов ли обед. В ожидании обеда они внятно и с выражением читали наизусть изречения, запомнившиеся им из сегодняшнего урока.

Наконец появлялся и господин Аппетит, и все во благовремении садились за стол.

В начале обеда читалась вслух какая-нибудь занимательная повесть о славных делах старины, – читалась до тех пор, пока Гаргантюа не принимался за вино. Потом, если была охота, чтение продолжалось, а не то так завязывался веселый общий разговор; при этом в первые месяцы речь шла о свойствах, особенностях, пользе и происхождении всего, что

подавалось на стол: хлеба, вина, воды, соли, мяса, рыбы, плодов, трав, корнеплодов, а равно и о том, как из них приготавливаются кушанья. Попутно Гаргантюа выучил в короткий срок соответствующие места из Плиния, Афинея, Диоскорида, Юлия Поллукса, Галена, Порфирия, Оппиана, Полибия, Гелиодора, Аристотеля, Элиана и других. Чтобы себя проверить, сотрапезники часто во время таких бесед клали перед собой на стол книги вышепоименованных авторов. И все это с такой силой врезалось в память Гаргантюа и запечатлевалось в ней, что не было в то время врача, который знал хотя бы половину того, что знал он.

Далее разговор возвращался к утреннему уроку, а потом, закусив вареньем из айвы, Гаргантюа чистил себе зубы стволлом мастикового дерева, ополаскивал руки и глаза холодной водой, после чего благодарил Бога в прекрасных песнопениях, прославлявших благоутробие его и милосердие. Затем приносились карты, но не для игры, а для всякого рода остроумных забав, основанных всецело на арифметике.

Благодаря этому Гаргантюа возымел особое пристрастие к числам, и каждый день после обеда и после ужина он с таким увлечением занимался арифметикой, с каким прежде играл в кости или же в карты. В конце концов он так хорошо усвоил ее теоретически и практически, что даже английский ученый Тунстал¹⁵², коему принадлежит обширный труд, по-

¹⁵² *Тунстал*, Кутберт (1476–1559) – епископ Лондонский, затем Даремский, автор трактата по арифметике, опубликованного во Франции в 1529 г.

священный арифметике, принужден был сознаться, что по сравнению с Гаргантюа он, право, смыслит в ней столько же, сколько в верхненемецком языке.

И не только в арифметике, – Гаргантюа оказывал успехи и в других математических науках, как-то: в геометрии, астрономии и музыке. В то время как их желудки усваивали и переваривали пищу, они чертили множество забавных геометрических фигур, а заодно изучали астрономические законы.

Потом они пели, разбившись на четыре или пять голосов, или же это было что-нибудь сольное, приятное для исполнения.

Что касается музыкальных инструментов, то Гаргантюа выучился играть на лютне, на спинете, на арфе, на флейте немецкой о девяти клапанах, на виоле и на тромбоне.

На подобные упражнения тратили около часа; за это время процесс пищеварения подходил к концу, и Гаргантюа шел облегчить желудок, а затем часа на три, если не больше, садился за главные свои занятия, то есть повторял утренний урок чтения, читал дальше и учился красиво и правильно писать буквы античные и новые римские.

По окончании занятий они выходили из дому вместе с конюшим Гимнастом, молодым туреньским дворянином, который давал Гаргантюа уроки верховой езды.

Сменив одежду, Гаргантюа садился на строевого коня, на тяжеловоза, на испанского или же на арабского скакуна, на быстроходную лошадь и то пускал коня во весь опор, то зани-

мался вольтижировкой, заставлял коня перескакивать через канавы, брать барьеры или, круто поворачивая его то вправо, то влево, бегать по кругу.

При этом он ломал, — но только не копыя (что может быть глупее такого хвастовства: «Я сломал десять копий на турнире или же в бою», — да это сумеет сделать любой плотник!), — нет, честь и слава тому, кто одним копьём сломит десятерых врагов. Гаргантюа же своим копьём, крепким, негнувшимся, со стальным наконечником, ломал ворота, пробивал панцири, валил деревья, поддевал на лету кольца, подхватывал седло, кольчугу, латную рукавицу. Все это он проделывал в полном вооружении.

Насчет того, чтобы погарцевать и, сидя верхом, показать разные фокусы, то тут ему не было равных. Сам феррарский вольтижер по сравнению с ним просто-напросто обезьяна. Особенно ловко перескакивал он с коня на коня — в мгновение ока и не касаясь земли (такие лошади назывались дезультуарными), в любую сторону, держа в руке копьё; при этом в стремя он не ступал и, не прибегая к поводьям, направлял коня, куда ему только хотелось, что в военном искусстве имеет значение немаловажное.

В иные дни он упражнялся с алебардой: размахивал ею с такой силой и так стремительно, круговым движением, ее опускал, что все его стали почитать за настоящего рыцаря, рыцаря-воина и рыцаря турнирного.

Кроме того, он владел пикой, эспадроном для обеих рук,

длинной шпагой, испанской шпагой, кинжалом широким и кинжалом узким; бился в кольчуге и без кольчуги, со щитом обыкновенным, со щитом круглым, завертывая руку в плащ.

Охотился он, верхом на коне, на оленей, козую, медведей, серн, кабанов, зайцев, куропаток, фазанов, дроф. Играл в большой мяч, подкидывая его ногой или же кулаком. Боролся, бегал, прыгал, но не с разбегу, не на одной ноге и не по-немецки, ибо Гимнаст находил, что эти виды прыжков бесполезны и не нужны на войне, – он перепрыгивал через канавы, перемахивал через изгороди, взбегал на шесть шагов вверх по стене и таким образом достигал окна, находившегося на высоте копья.

Плавал в глубоких местах на груди, на спине, на боку, двигая всеми членами или же одними ногами; с книгой в руке переплывал Сену, не замочив ни одной страницы, да еще, как Юлий Цезарь, держа в зубах плащ¹⁵³. С помощью одной руки, ценою огромных усилий взбирался на корабль, а оттуда снова вниз головой бросался в воду, доставал дно, заплывал в расселины подводных скал, нырял в пучины и водовороты. Поворачивал судно, управлял им, вел его то быстро, то медленно, по течению, против течения, останавливал судно посреди шлюза, одной рукой вел корабль, а другой орудовал длинным веслом, ставил паруса, влезал по вантам на мачты, бегал по реям, устанавливал буссоль, поворачивал булинь

¹⁵³ ...переплывал Сену... как Юлий Цезарь, держа в зубах плащ. – Так у Плутарха в его жизнеописании Цезаря.

против ветра, руль держал твердо.

Мгновенно выскочив из воды, взбегал на гору и потом так же легко сбегал, лазил по деревьям, как кошка, прыгал с одного на другое, как белка, ломал толстые сучья, как второй Милон. С помощью двух отточенных кинжалов и двух прочных шильев проворно, как крыса, взбирался на кровлю дома, а спускаясь, принимал такое положение, при котором падение не представляло для него опасности.

Метал дротик, железный брус, камень, копьё, рогатину, алебарду; натягивал лук; один, без посторонней помощи, заводил осадный арбалет; прицеливался из пищали; ставил на лафет пушку; стрелял на стрельбище в картонную птицу, стрелял снизу вверх, сверху вниз, вперед, вбок и назад, как парфяне.

К высокой башне привязывался канат, спускавшийся до самой земли, и Гаргантюа взбирался по этому канату на руках, а затем спускался с такой быстротою и ловкостью, что вам так не проползти и по ровному лугу.

Между двумя деревьями клали толстую перекладину, и он, держась за нее руками, передвигался взад и вперед, — ноги на весу, — да так быстро, что его и бегом невозможно было догнать.

Чтобы развить грудную клетку и легкие, он кричал, как сто чертей. Однажды я сам был свидетелем, как он, находясь у ворот св. Виктора, звал Эвдемона, и голос его был слышен

на Монмартре. Даже голос Стентора¹⁵⁴ во время битвы под Троей не достигал такой мощи.

Для того чтобы Гаргантюа укрепил себе сухожилия, ему отлили из свинца две громадные болванки в восемь тысяч семьсот квинталов весом каждая, — он их называл гирями, он поднимал их с полу и неподвижно держал над головою, по одной в каждой руке, три четверти часа, а то и больше, что обличало в нем силу непомерную.

В брусья он играл с первыми силачами; когда наступал его черед, он держался на ногах необычайно твердо и, как некогда Милон, уступал только наиболее отважным, кому удавалось сдвинуть его с места. В подражание тому же Милону он брал в руку гранат и вызывал желающих отнять у него этот плод.

После подобных занятий его растирали, чистили, меняли на нем одежду, и он не спеша возвращался домой; если же он шел по лугу или по какому-либо обильному травною месту, то рассматривал деревья и растения и сравнивал их с тем, что о них писали древние ученые, как, например, Теофраст, Диоскорид, Марин, Плиний, Никандр, Макр и Гален, и когда он и его спутники приходили домой, то руки у них были полны трав, поступавших затем в распоряжение юного пажа по имени Ризотом, ведавшего также полольными тяпками, мотыгами, заступами, лопатами, ножами и другими инстру-

¹⁵⁴ *Стентор* — персонаж «Илиады» Гомера, обладавший громоподобным голосом.

ментами, необходимыми для правильной гербаризации.

Придя домой, они, пока готовился ужин, повторяли некоторые места из прочитанного, а затем садились за стол.

Надобно заметить, что за обедом, неизменно простым и скромным, Гаргантюа ел, только чтобы заморить червячка, зато ужин бывал обилен и продолжителен, и уж тут он принимал пищу в таком количестве, которое было ему необходимо, дабы подкрепить силы и насытиться, а в этом-то и состоит правильный режим питания, предписываемый истинной и разумной медициной, меж тем как орава тупоголовых докторишек, у коих от софистической выучки мозги стали набекрень, советует нечто прямо противоположное.

За ужином возобновлялся обеденный урок, и длился он, пока не надоедало; остальное время посвящалось ученой беседе, приятной и полезной.

Прочтя благодарственную молитву, пели, играли на музыкальных инструментах, принимали участие во всякого рода забавах, вроде карт или же костей, так что иной раз обильная трапеза и увеселения длились до тех пор, когда уже надо было идти спать, а иной раз Гаргантюа и его приближенные посещали общество ученых или путешественников, коим довелось побывать в чужих странах.

Темной ночью, перед сном, выходили на самое открытое место во всем доме, смотрели на небо, наблюдали кометы, если таковые были, или положение, расположение, противостояние и совпадение светил.

Затем Гаргантюа в кратких словах рассказывал по способу пифагорейцев наставнику все, что он прочитал, увидел, узнал, сделал и услышал за нынешний день.

Засим молились Господу Творцу, выражали Ему свою любовь, укреплялись в вере, славили Его бесконечную благодать и, возблагодарив Его за минувшее, предавали себя Его милосердию на будущее.

После этого ложились спать.

Глава XXIV

О том, как Гаргантюа проводил время в дождливую погоду

Если выпадали дождливые и ненастные дни, то все время до обеда проводили как обыкновенно, с тою, однако же, разницей, что, дабы перебороть непогоду, разводили веселый и яркий огонь. Но после обеда гимнастика отменялась, все оставались дома и в апотерапевтических целях убирали сено, кололи и пилили дрова, молотили хлеб в риге; потом занимались живописью и скульптурой или же возрождали старинную игру в кости, руководствуясь тем, как ее описал Леоник¹⁵⁵ и как играет в нее добрый наш друг Ласкарис¹⁵⁶. Во время игры вызывали в памяти те места из древних авторов, где есть о ней упоминание или же связанное с нею уподобление.

А то ходили смотреть, как плавят металлы, как отливают артиллерийские орудия, ходили к гранильщикам, ювелирам, шлифовальщикам драгоценных камней, к алхимикам и монетчикам, в ковровые, ткацкие и шелкопрядильные мастер-

¹⁵⁵ *Леоник* – итальянский гуманист Никколо Леонико Томео, автор трактата об игре в кости.

¹⁵⁶ *Ласкарис*, Иоанн (ок. 1445–1534) – греческий эрудит и философ, библиотекарь Лоренцо Медичи (1449–1492).

ские, к часовщикам, зеркальщикам, печатникам, органищикам, красильщикам и разным другим мастерам и, всем давая на выпивку, получали возможность изучить ремесла и ознакомиться со всякого рода изобретениями в этой области.

Ходили на публичные лекции, на торжественные акты, на состязания в искусстве риторики, ходили слушать речи, ходили слушать знаменитых адвокатов и проповедников.

Посещали залы и помещения для фехтования, и там Гаргантюа состязался с мастерами и доказывал им на деле, что он владеет любым родом оружия несколько не хуже, а, пожалуй, даже и лучше, чем они.

Вместо того чтобы составлять гербарий, они посещали лавки москательщиков, продавцов трав, аптекарей, внимательнейшим образом рассматривали плоды, корни, листья, смолу, семена, чужеземные мази и тут же изучали способы их подделки.

Ходили смотреть акробатов, жонглеров, фокусников, причем Гаргантюа следил за их движениями, уловками, прыжками и прислушивался к их краснобайству, особое внимание уделяя шонийцам пикардийским, ибо то были прирожденные балагуры и великие мастера по части втирания очков.

Вернувшись домой, они ели за ужином меньше, чем в другие дни, и выбирали пищу сухую и не жирную, дабы тем самым обезвредить влияние сырого воздуха, коим дышит тело, и дабы на их здоровье не сказалось отсутствие обычных упражнений.

Так воспитывался Гаргантюа, с каждым днем оказывая все большие успехи и, понятное дело, извлекая из постоянных упражнений всю ту пользу, какую может извлечь юноша, в меру своего возраста сметливый; упражнения же эти хоть и показались ему на первых порах трудными, однако с течением времени сделались такими приятными, легкими и желанными, что скорее походили на развлечения короля, нежели на занятия школьника.

Со всем тем Понократ, чтобы дать Гаргантюа отдохнуть от сильного умственного напряжения, раз в месяц выбирал ясный и погожий день, и они с утра отправлялись за город: в Шантильи, в Булонь, в Монруж, в Пон-Шарантон, в Ванв или же в Сен-Клу. Там они проводили целый день, веселясь напропалую: шутили, дурачились, в питье друг от дружки не отставали, играли, пели, танцевали, валялись на зеленой травке, разоряли птичьи гнезда, ловили лягушек, раков, перепелов.

И хотя этот день проходил без чтения книг, но и он проходил не без пользы, ибо на зеленом лугу они читали на память какие-нибудь занятные стихи из *Георгик* Вергилия, из Гесиода, из *Рустика*¹⁵⁷ Полициано, писали на латинском языке шуточные эпиграммы, а затем переводили их на французский язык в форме рондо или же баллады.

Во время пиршества они, следуя указаниям Катона в *De re*

¹⁵⁷ «*Рустик*» – написанная в подражание «Георгикам» Вергилия латинская поэма Полициано (см. примеч. к с. 25), которая имела большой успех в XVI в.

*rust.*¹⁵⁸ и Плиния, с помощью трубочки, сделанной из плюща, выцеживали из разбавленного вина воду, промывали вино в чане с водой, а затем пропускали его через воронку, перего- няли воду из одного сосуда в другой или же изобретали ма- ленькие автоматические приспособления, то есть такие, ко- торые двигаются сами собой.

¹⁵⁸ «О сельском хозяйстве» (лат.).

Глава XXV

О том, как между лернейскими пекарями и подданными Гаргантюа возгорелся великий спор, положивший начало кровопролитным войнам

В эту пору, а именно в начале осени, когда на родине Гаргантюа идет сбор винограда, местные пастухи сторожили виноградники и смотрели, чтобы скворцы не клевали ягод.

В это самое время по большой дороге не то на десяти, не то на двенадцати подводах лернейские пекари везли в город лепешки.

Помянутые пастухи вежливо попросили пекарей продать им по рыночной цене лепешек. А ведь надобно вам знать, что для людей, страдающих запором, виноград со свежими лепешками – это воистину пища богов, особливо «пино», «фьер», «мюскадо», «бикан» или же «фуарар»; от этого кушанья их так несет, что они иной раз не успевают донести до отхожего места, – вот почему их зовут недоносками.

Просьбу пастухов пекари не соизволили удовлетворить, – более того, они начали изрыгать на них самую зазорную брань: обозвали их беззубыми поганцами, рыжими-красны-

ми – людьми опасными, ёрниками, за...рями, прощелыгами, пролазами, лежебоками, сластенами, пентюхами, бахвалами, негодяями, дубинами, выжигами, побирушками, задирами, франтами – коровьи ножки, шутами гороховыми, байбаками, ублюдками, балбесами, оболдуями, обормотами, пересмешниками, спесивцами, голодранцами, с...ными пастухами, г...ными сторожами, присовокупив к этому и другие оскорбительные названия и прибавив, что они, мол, хороши с отрубями да с мякиной, а такие вкусные лепешки не про них писаны.

В ответ на подобные оскорбления один из пастухов, по имени Фрожье, юноша именитый и достойный, кротко заметил:

– С чего это вы стали так нос задирать? Скажите пожалуйста! Бывало, раньше сколько угодно продавали, а нынче не желаете? Это не по-добрососедски, мы с вами так не поступаем, когда вы приезжаете покупать нашу отборную пшеницу, из которой вы печете пирожки и лепешки. А мы еще хотели дать вам за них винограду в придачу! Нет, клянусь раками, вы потом пожалеете. Не зарекайтесь, вам еще придется с нами дело иметь, а мы вот так же с вами обойдемся, – тогда вы меня вспомните.

На это Марке¹⁵⁹, великий жезлоносец братства пекарей,

¹⁵⁹ Марке. – Жена Гоше де Сент-Марта, прототипа Пикрохола (см. примеч. к с. 87), именовалась Мари Марке. Ее отец, Мишель Марке, был конюшим, сеньором Бедуэрским, а с 1489 г. – королевским секретарем.

ему сказал:

– Что это ты нынче уж больно распетушился? Видно, про-са на ночь наелся. А ну, поди сюда, я тебе дам лепешку!

Тут Фрожье, ничего не подозревая, приблизился к нему и достал из-за пояса монету, ибо он был уверен, что Марке продаст ему лепешек; однако вместо лепешек он получил кнутом по ногам, да так, что на них тотчас же выступили рубцы. Засим Марке попытался улепетнуть, но в эту минуту Фрожье, истошным голосом завопив: «Караул!» – запустил в него здоровенной дубиной, которая была у него под мышкой, и угодил прямо в шов лобной кости, над правой височной артерией, так что Марке замертво свалился с кобылы.

Тем временем сбежались хуторяне, сбивавшие поблизо-сти длинными шестами орехи, и начали молотить пекарей, как недоспелую рожь. Заслышав крики Фрожье, налетели со своими пращами другие пастухи и пастушки и принялись осыпать пекарей градом камней. В конце концов они догна-ли пекарей и отняли у них штук шестьдесят лепешек, запла-тив им, однако ж, по обычной цене и надавав им в прида-чу орехов и три корзины белого винограду. Пекари помогли тяжело раненному Марке сесть верхом, а затем двинулись, но уже не в Парелье, а обратно в Лерне, и тут с языка у них сорвались мрачные и недвусмысленные угрозы сейийским и синейским хуторянам и пастухам.

А пастухи и пастушки досыта наелись лепешек и отмен-ного винограду, потом заиграла приятная для слуха волын-

ка, и они начали веселиться, со смехом вспоминая заносчивых пекарей, которым так не повезло, очевидно, потому, что они нынче не с той ноги встали, а что касается Фрожье, то ему с крайним тщанием промыли раны на ногах соком простого винограда, и он тут же выздоровел.

Глава XXVI

О том, как жители Лерне под предводительством короля Пикрохола¹⁶⁰ без объявления войны напали на пастухов Гаргантюа

Пекари, как скоро возвратились в Лерне, так прямо, не пивши, не евши, отправились в Капитолий¹⁶¹, принесли жалобу своему королю Пикрохолу Третьему, показали ему сломянные корзины, измятые шляпы, разорванные плащи, раздавленные лепешки, а главное, тяжелораненого Марке, и объявили, что это дело рук пастухов и хуторян Грангузье, которые-де учинили побоище на большой дороге, за Сейи.

Все это привело короля в совершенное неистовство, и, даже не потрудившись доискаться причины, он велел кликнуть по всей стране клич, чтобы в полдень все под страхом смертной казни через повешение явились в полном вооружении на главную площадь, что возле королевского замка. В подтверждение сего приказа он велел бить в барабаны по всем улицам города, а сам в это время, пока ему готовили обед,

¹⁶⁰ *Пикрохол* – от гр. «пикрос» – горький и «холе» – желчь.

¹⁶¹ *Капитолий*. – Замок Лерне возвышался над деревней, отсюда ироническое сопоставление его с Капитолийским холмом – одним из семи холмов, на которых стоит Рим.

пошел распорядиться, чтобы все орудия были поставлены на лафеты, чтобы знамя его и орифламма были развернуты и чтобы всего было запасено вдоволь: как военного снаряжения, так и провианта.

За обедом король подписал назначения. Согласно его указу сеньор Плюгав должен был принять командование авангардом, насчитывавшим шестнадцать тысяч четырнадцать пищальников и тридцать пять тысяч одиннадцать добровольцев. Обер-шталмейстеру Фанфарону было поручено командовать артиллерией, располагавшей девятьюстами четырнадцатью тяжелых медных орудий, пушек, двойных пушек, василисков, серпантин, кулеврин, бомбард, фальконе-тов, пасволанов, спиролей и других орудий. Арьергард был отдан под начало герцогу Грабежи. Над главными силами приняли командование сам король и принцы королевской крови.

Когда же войско было более или менее приведено в боевой порядок, то, прежде чем выступить в поход, решено было выслать отряд легкой кавалерии численностью в триста всадников под командой военачальника Жру, с целью обследовать местность и удостовериться, нет ли где-нибудь засады. Однако ж тщательная разведка показала, что кругом царят тишина и спокойствие, и никаких воинских частей она не обнаружила.

Получив таковые сведения, Пикрохол приказал всем сей же час становиться под знамена.

И тут сразу все смешалось: Пикрохолово воинство в беспорядке и впопыхах устремилось вперед, все на своем пути ломая и круша и не щадя ни бедного, ни богатого, ни храмов, ни жилищ. Угоняли быков, коров, волов, бычков, телок, овец, баранов, козлов и коз, кур, каплунов, цыплят, гусят, гусаков, гусынь, хряков, свиней, подсвинков, сбивали орехи, обрывали виноград, уносили с собой целые лозы, отрясали плодовые деревья. Бог знает что они творили, и никто не оказывал им ни малейшего сопротивления; все сдавались на милость победителей и молили только о том, чтобы победители обходились с ними по-человечески, приняв в соображение, что подданные Грангузье исстари были для них добрыми и дружественными соседями и никогда не чинили им ни обид, ни оскорблений, те же, мол, здорово живешь, так их утесняют, а ведь Бог-то за такие дела наказывает неукоснительно. В ответ на эти предостережения враги твердили одно: они, мол, хотят научить их, как нужно есть лепешки.

Глава XXVII

О том, как некий монах из Сейи спас от неприятеля монастырский фруктовый сад

Так, буйствуя и бесчинствуя, промышляя разбоем и грабежом, дошли они наконец до Сейи и принялись обирать до нитки мужчин и женщин и хватать все, что попадалось под руку: ничем они не брезгали и ничем не гнушались. Почти во всех домах свирепствовала чума, однако ж они врывались всюду, все решительно отбирали, и при этом никто из них не заразился, а это случай исключительный, ибо священники, викарии, проповедники, лекари, хирурги и аптекари, навещавшие, лечившие, пользовавшие, исповедовавшие и увещевавшие больных, все до одного заразились и умерли, а к этим чертовым грабителям и убийцам никакая зараза не приставала. Что это за притча, господа? Право, тут есть над чем призадуматься.

Разграбив селение, они с шумом и грохотом двинулись к аббатству, однако же аббатство оказалось на запоре: по сему обстоятельству главные силы двинулись дальше, к Ведскому броду, а семь отрядов пехоты и две сотни копейщиков остались для того, чтобы, сломав садовую ограду, произвести полное опустошение на виноградниках.

Бедняги монахи не знали, какому святому молиться. На всякий случай они стали звонить *ad capitulum capitulantes*¹⁶². На этом совете было решено устроить торжественную процессию, а также молебствие с чтением особых молитв *contra hostium insidias*¹⁶³ и с прекрасными песнопениями *pro pace*.¹⁶⁴

В то время в аббатстве находился монах по прозванию брат Жан Зубодробитель, человек молодой, прыткий, щеголеватый, жизнерадостный, разбитной, храбрый, отважный, решительный, высокий, худощавый, горластый, носатый, мастак отбарабанивать часы, отжарить мессу и отвалить вечерню, – одним словом, самый настоящий монах из всех, какими монашество когда-либо монашественнейше омонашивалось. Помимо всего прочего, по части служебника он собаку съел.

Вот этот-то самый монах, услышав шум, производимый неприятелем на виноградниках, вышел узнать, в чем дело; когда же он обнаружил, что враги обрывают виноград и что, таким образом, монастырь лишится годового запаса вина, то побежал на клирос, где в это время монахи с видом литейщиков, у которых от колокола остались одни черепки, тянули:

– *I-im-pe-e-e-e-e-tu-um i-ini-i-imi-co-o-o-o-o-o-ru-um...*¹⁶⁵

¹⁶² Созывая членов капитула на капитул (лат.).

¹⁶³ Противу вражеских козней (лат.).

¹⁶⁴ Во славу мира (лат.).

¹⁶⁵ Натиск врагов (лат.).

– Славные вы певуны-п...уны, накажи меня Бог! – молвил он. – Только не лучше ли вам спеть:

Прощай, корзины, кончен сбор?

Пусть меня черт возьмет, если они уже не в нашем саду, и так они здорово режут лозы вместе с кистями, что – вот как Бог свят! – нам еще несколько лет придется одни хвостики подбирать. Ах ты, Господи, что же мы теперь, горемычные, пить-то будем? Боже милостивый, *da mihi potum!*¹⁶⁶

Тут заговорил настоятель:

– Что здесь нужно этому пьянчуге? Отведите его в темницу! Как он смеет мешать нам воспевать Богу?

– Не должно мешать ни воспеванию, ни воспиванию, – возразил монах. – Ведь вы сами, отец настоятель, любите хорошее вино, как и всякий порядочный человек. Ни один благородный человек не станет хулить вино, – такая у нас, у монахов, существует апофтегма¹⁶⁷. А эти ваши песнопения, ей-богу, сейчас не ко времени! Почему же тогда в пору жатвы и сбора винограда у нас читаются краткие часы, а в течение всей зимы – длинные? Блаженной памяти покойный брат наш Маса Пелос, истинный ревнитель благочестия (пусть меня черт унесет, если я вру!), объяснял мне это, сколько я помню, так: летом и осенью мы-де отжимаем

¹⁶⁶ Даруй мне питье! (лат.)

¹⁶⁷ Апофтегма – изречение (гр.).

виноград и делаем вино, зимой же мы его потребляем. Слушайте меня, все любители хмельного: с нами Бог, за мной! Пусть меня спалит антонов огонь, если я хоть разок дозволю хлебнуть тем из вас, которые не помогут мне отбить виноградник! Мать честная, да ведь это же церковное достояние! Но только вот что: святой Фома Английский¹⁶⁸ решился умереть за церковное достояние. Дьявольщина! Стало быть, если и я за него умру, меня тоже причислят к лику святых? Нет уж, я умирать не стану, пусть лучше по моей милости будут помирать другие.

С этими словами он скинул рясу и схватил перекладину от ясеневго креста: перекладина была длинная, как копье, и толстая, как здоровенный кулак; в некоторых местах на ней были нарисованы лилии, ныне почти уже стершиеся. Итак, сделав из своей рясы перевязь, он вышел в одном подряснике и, взмахнув перекладиною от креста, внезапно ринулся на врагов, а враги между тем, нарушив боевой порядок, без знамен, без трубача и барабанщика обирали в саду виноград, ибо знаменщики прислонили знамена и стяги к стене, барабанщики продырявили с одного боку барабаны, чтобы было куда сыпать виноград, в трубы тоже понапихали гроздий, – словом, все разбрелись кто куда, и вот брат Жан, не говоря худого слова, обрушился на них со страшною силой и, по старинке колотя их по чему ни попало, стал расшвы-

¹⁶⁸ *Святой Фома Английский* – Томас Беккет, архиепископ Кентерберийский (ок. 1115–1170).

ривать, как котят. Одних он дубасил по черепу, другим ломал руки и ноги, третьим сворачивал шейные позвонки, четвертым отшибал поясницу, кому разбивал нос, кому ставил фонари под глазами, кому заезжал по скуле, кому пересчитывал зубы, кому выворачивал лопатки, иным сокрушал голени, иным вывихивал бедра, иным расплющивал локтевые кости.

Кто пытался укрыться среди густолиственных лоз, тому он, как собаке, перебивал спинной хребет и переламывал крестец.

Кто пытался спастись бегством, тому он ударом по ламбдовидному шву раскалывал на куски черепную коробку.

Кто лез на дерево, полагая, что там безопаснее, тому он загонял перекладину в прямую кишку.

Если кто-нибудь из его старых знакомцев кричал: «Эй, брат Жан, брат Жан, друг мой милый, я сдаюсь!» – то он говорил: «Да у тебя другого выхода нет. Сдавай заодно и свою душу чертовой матери!» И тут же его ухлопывал.

Смельчаку, который решался с ним переведаться, он охотно показывал силу мышц своих, а именно пробивал ему средогрудную перегородку и сердце. Кого ему не удавалось поддеть под ребро, тому он выворачивал желудок, и смерть наступала мгновенно. Иных он со всего размаху бил по пупку, и у них вываливались кишки. Иным протыкал мошонку и задний проход. Свет еще не видел столь ужасного зрелища,

можете мне поверить!

Одни взывали: «Святая Варвара¹⁶⁹!»

Другие: «Святой Георгий!»

Третьи: «Святая Недотрога!»

Четвертые: «Кюноская Божья Мать! Лоретская! Благовестница! Ленуйская! Ривьерская!»

Одни поручали себя св. Иакову.

Другие прибегали под покров шамберийской плащаницы, которая, кстати сказать, три месяца спустя сгорела дотла, так что от нее ровно ничего не осталось.

Третьи – под покров плащаницы кадуинской.¹⁷⁰

Четвертые поручали себя Иоанну Предтече Анжельскому.

Пятые – св. Евтропию Сентскому, св. Месму Шинонскому, св. Мартину Кандскому, св. Клавдию Синейскому, жаварзейским святыням и разным другим святым, помельче.

Одни умирали, ничего не говоря, другие говорили, но не умирали. Одни умирали говоря, другие, умирая, говорили.

Иные громко кричали: «Исповедника! Исповедника! *Confiteor! Miserere! In manus!*»¹⁷¹

¹⁶⁹ *Святая Варвара* – покровительница артиллерии. *Святой Георгий* (Победоносец) – один из самых популярных христианских святых, покровитель всадников.

¹⁷⁰ *Плащаница кадуинская*. – Эта очень почитаемая реликвия хранилась в аббатстве Кадуэн (или Кадуин, Дордонь), которым владел Жоффруа д'Эстисак – первый покровитель Рабле.

¹⁷¹ Каюсь! Помилуй! В руки (твои предаю дух мой)! (*лат.*)

Услышав громкие стоны поверженных, настоятель со всею братией направился в сад; когда же они увидели этих несчастных, смертельно раненных, распростертых среди виноградных лоз, то поспешили некоторых из них исповедать. А пока иеромонахи возились с исповедью, молодые послушники побежали к брату Жану спросить, не могут ли они чем-либо ему помочь. Он же на это ответил, что нужно дорезать тех, кто валяется на земле. Тогда послушники, развесив долгополые свои подрясники на изгороди, принялись дорезывать и приканчивать тех, кого он уходил насмерть. И знаете, каким оружием? Просто-напросто резачками, маленькими ножичками, которыми дети в наших краях шелушат зеленые орехи.

Затем брат Жан стал со своею перекладиною у стены, возле самого того места, где она была проломлена неприятелем. Кое-кто из послушников уже успел растащить по своим кельям знамена и стяги себе на подвязки. Когда же те, кто исповедался, попытались юркнуть в пролом, брат Жан стал их приканчивать одного за другим, да еще приговаривал:

– Кто исповедался, покался и получил отпущение грехов, те – прямым путем в рай, прямым, как серп, как спина у горбуна!

Так благодаря его отваге были перебиты враги, проникшие в монастырский сад, перебиты все до одного, а их тут было тринадцать тысяч шестьсот двадцать два человека, не считая, как водится, женщин и детей.

Даже отшельник Можис, о котором говорится в *Деяниях четырех сыновей Эмона*, и тот, пойдя со своим посохом на сарацин, не выказал такой доблести, как наш монах, с пере-кладиною от креста вышедший на врагов.

Глава XXVIII

О том, как Пикрохол взял приступом Ларош-Клермо, а равно и о том, как тяжело и прискорбно было Грангузье начинать войну

Как уже было сказано, монах продолжал расправляться с теми, кто ворвался в монастырский сад; Пикрохол между тем, с великою поспешностью пройдя со своими войсками Ведский брод, вступил в Ларош-Клермо, и там ему не оказали никакого сопротивления, а так как дело было ночью, то он порешил расположиться здесь со своими войсками на ночлег, дабы зуд его гнева на время утих.

Поутру Пикрохол взял приступом городской вал и замок, а затем отлично укрепил этот замок и снабдил его боевыми припасами, ибо он полагал, что в случае, если на него нападут, лучше всего ему отсидеться именно здесь, так как благодаря своему расположению и местоположению замок обладал не только искусственными, но и естественными укреплениями.

И тут мы его и оставим и обратимся к доброму нашему Гаргантюа, который усердно изучает полезные науки, чередуя занятия с атлетическими упражнениями, и к его от-

цу, доброму старику Грангузье, а старик между тем только сейчас поужинал и греется у весело и ярко пылающего огня, чертит на стенках очага обгоревшим концом палки, коей размешивают угли, и, пока жарятся каштаны, рассказывает жене и всем домочадцам про доброе старое время.

В эту самую пору к нему прибежал один из пастухов, стороживших виноградники, по имени Пило, и подробно рассказал о том, что в его землях и владениях бесчинствует и разбойничает король Лернейский Пикрохол и что он разграбил, разорил, опустошил всю страну, за исключением Сей-ийского сада, который брат Жан Зубодробитель сумел отстоять только благодаря своей храбрости; ныне же упомянутый король обретается-де в Ларош-Клермо и вместе со своими воинами тщится елико возможно укрепить его.

– Увы! увy! – воскликнул Грангузье. – Что же это такое, добрые люди? Сон это или явь? Пикрохол, мой старый и неизменный друг, связанный со мною узами родства и свойства, напал на меня! Кто подвигнул его на это? Кто его подстрекнул? Кто его подбил? Кто ему подал такой совет? Ох, ох, ох, ох! Боже, Спаситель мой, помоги мне, просвети меня, научи! Клятвенно уверяю Тебя, под страхом лишиться Твоего заступления, что никогда я никаких огорчений ему не доставлял, подданным его не досаждал, земель его не грабил. Напротив того, я никогда не отказывал ему ни в войске, ни в деньгах, ни в поддержке, ни в совете; во всех случаях жизни я старался быть ему полезен. Нет, верно, лукавый его

попутал, коли мог он так меня избить. Господи Боже мой, Ты знаешь мои помыслы, зане от Тебя ничто не утаится! В случае если он повредился в уме и Ты назначил мне в удел образумить его, то подай мне сил и уменья мирным путем вновь привести его под начало святой Твоей воли. Ох, ох, ох! Добрые люди, друзья мои и верные слуги! Ужели я вынужден буду докучать вам просьбами о помощи? Увы мне! На старости лет я только покоя и жаждал, всю жизнь я только к миру и стремился. Но, видно, придется и мне облечь панцирем мои несчастные плечи, слабые и усталые, и взять в дрожащие руки булаву и копье, дабы защитить и оградить несчастных моих подданных. Так мне подсказывает здравый смысл, ибо их трудом я живу, их потом кормлюсь я сам, мои дети и вся моя семья. И все же я не пойду на Пикрохола войной до тех пор, пока не испробую всех мирных способов и средств. Таково мое решение.

Затем он созвал совет, рассказал, как обстоит дело, и решено было на этом совете послать к Пикрохолу какого-нибудь толкового человека, чтобы тот дознался, с чего это он вдруг распалился гневом и вторгся в земли, на которые у него нет решительно никаких прав; кроме того, было решено послать за Гаргантюа и его приближенными, дабы они выступили на защиту своего отечества и отвели от него беду. Грангузье со всем согласился и отдал надлежащие распоряжения. В частности, он тут же велел своему лакею-баску¹⁷²

¹⁷² ...велел своему лакею-баску... – В те времена баски считались быстროноги-

как можно скорее ехать к Гаргантюа и написал сыну следующее послание.

Глава XXIX

О чем Грангузье писал к Гаргантюа

«Ты столь прилежно учишься¹⁷³, что я долго еще не выводил бы тебя из состояния философического покоя, но вот горе: бывшие мои друзья и союзники не пожалели моей старости и обманули мое доверие. А уж если таково предопределение судьбы, что мне изменили именно те, в ком я особенно был уверен, то и нет у меня иного выхода, как призвать тебя на защиту подданных твоих и по естественному праву принадлежащего тебе достояния. Ибо подобно тому как любое оружие, находящееся вне дома, бессильно, коли и в самом доме некому подать совет, так же точно бесплодно учение и бесполезны советы, ежели они не будут вовремя претворены в жизнь и благой цели своей не достигнут.

Я же не разжигать намерен, но умиротворять, не нападать, но обороняться, не завоевывать, но защищать моих верных подданных и наследственные мои владения от Пикрохола, который ныне, без всякого повода и основания ко мне вторгшись, пошел на меня войной и, неуклонно продолжая злое свое дело, чинит вольным людям обиды нестерпимые.

¹⁷³ Ты столь прилежно учишься... – Письмо написано на «латинизированном» французском языке, который так ценили гуманисты.

Я почитаю своим долгом утишить гнев сего тирана, удовольствовав его как могу, и уже не один раз я с дружественными намерениями посылал к нему моих людей, дабы узнать, кто, чем и как его оскорбил, он же отвечает мне тем, что упорно отвергает мирные мои предложения и, кроме собственных своих выгод, знать ничего не хочет. Отсюда следствие, что Вечный Судия оставил ему как единственное кормило собственный его рассудок и волю, – воля же его не может не быть злой, коль скоро он всечасно не руководим божественною благодатью, – и, дабы вернуть ему сознание долга и дабы пробудить в нем совесть, наслал его на меня.

По сему обстоятельству, возлюбленный сын мой, прочитав мое письмо, ты как можно скорее возвращайся и поспеши на помощь не мне (хотя и мне ты должен был бы помочь из естественного чувства сострадания), но твоим подданным, коих ты обязан оградить и спасти. Подвиг сей тебе надлежит свершить ценою возможно меньшего кровопролития, и, таким образом, благодаря наиболее разумным средствам, мерам предосторожности и военным хитростям мы, быть может, сумеем спасти всех наших подданных, и, возвеселившись духом, они возвратятся в свои жилища.

Да будет с тобою, дражайший сын мой, благословение Господа нашего Иисуса Христа.

Поклонись от меня Понократу, Гимнасту и Эвдемону.

Твой отец
Грангузье».

20 сентября.

Глава XXX

О том, как к Пикрохолу был послан Ульрих Галле

Продиктовав и подписав письма, Грангузье приказал правителю своей канцелярии Ульриху Галле¹⁷⁴, человеку неглупому и здравомыслящему, выказавшему свои способности и тонкость суждений при разборе многих запутанных дел, ехать к Пикрохолу и изложить ему все, о чем говорилось на совете.

Добрый Галле тот же час отбыл и, миновав брод, спросил мельника, где обретается Пикрохол; мельник на это ответил, что враги дочиста его обобрали, а что потом они засели в Ларош-Клермо и что он, мельник, не советует ему следовать далее, а то как бы не наткнуться на дозор, свирепость же врагов безгранична. Ульрих Галле легко этому поверил и заночевал у мельника.

Наутро он был уже у ворот замка и, трубным звуком возвестив о своем прибытии, потребовал, чтобы часовые пропустили его к королю, в интересах коего, дескать, выслушать его речь.

¹⁷⁴ *Ульрих Галле.* — Среди родственников Антуана Рабле-старшего мы встречаем адвоката Галле, который отстаивал в суде интересы луарских торговцев против Гоше де Сент-Марта

Королю о нем доложили, но король велел ни под каким видом его не пускать, – он вышел сам на крепостной вал и, обратясь к послу, молвил:

– Ну, что там еще? Что ты хочешь сказать?

Тогда посол произнес нижеследующую речь.

Глава XXXI

Речь Галле, обращенная к Пикрохолу

— Из всех поводов к огорчению наиболее важным следует признать тот, когда человеку, который по праву рассчитывал на милость и благорасположение, чинят ущерб и досаду. И не без основания (хотя его и нельзя считать достаточно разумным) многие при таких обстоятельствах, рассудив, что лучше умереть, нежели терпеть подобную низость, и уверившись, что здесь ни силой, ни какими-либо ухищрениями ничего поделать нельзя, добровольно накладывали на себя руки.

Неудивительно поэтому, что твое вторжение, свидетельствующее о том, что ты преисполнен к моему повелителю, королю Грангузье, вражды и злобы, отягчило его печалью и в крайнее привело замешательство. Удивительно было бы, если б его не взволновали чудовищные беззакония, чинимые тобою и твоими людьми в его владениях над его подданными, беззакония, неслыханные по своей бесчеловечности, которые он принимает особенно близко к сердцу потому, что подданных своих он любит такою нежною любовью, какой ни один смертный от века еще не любил. Однако ж, говоря по чистой совести, еще тяжелее ему сознавать, что все эти злодейства и утеснения чинятся именно тобою и твоими людьми, ибо и ты и твои деды и прадеды испокон веков во-

дили дружбу с ним самим и с предками его, и дружбу эту, до сего времени нерушимую, вы поддерживали, хранили и берегли, как святыню, так что не только он и его подданные, но и народы чужеземные, как, например, пуатевинцы, бретонцы, мансонцы, а равно и живущие за Канарскими островами и городом Изабеллою¹⁷⁵, полагали, что легче обрушить небосвод, а преисподнюю вознести до самых хлябей небесных, нежели расторгнуть союз ваш, столь грозный для всех их враждебных замыслов, что никто не решался озлобить кого-нибудь одного из вас, бросить ему вызов или же нанести урон из страха навлечь на себя гнев другого.

Более того. Слухом об этой священной дружбе полнится вся поднебесная, вследствие чего среди народов, ныне населяющих материк и острова океана, немного найдется таких, которые не почли бы за честь вступить в ваш союз на условиях, вами самими указанных, и которые бы не уважали неприкосновенность ваших объединенных держав в той же мере, как неприкосновенность собственных земель и владений; коротко говоря, никто не запомнит государя или же союз государей, который в свирепости своей и заносчивости осмелился бы посягнуть – я уж не говорю: на ваши земли, но хотя бы на земли союзников ваших, а если, послушавшись необдуманного совета, кто-нибудь и вознамеривался совершить нападение, то при одном имени и названии вашего со-

¹⁷⁵ *Изабелла* – город, основанный Христофором Колумбом на острове Гаити в 1493 г.

юза тотчас же от своего замысла отказывался.

Что же ныне привело тебя в такое неистовство и заставило, расторгнув союз, поправ дружбу, преступив права, с враждебными намерениями вторгнуться в его владения, несмотря на то что ни он сам, ни его подданные ничем перед тобой не провинились, ничем тебе не досадили и гнева твоего не навлекли? Где же верность? Где закон? Где разум? Где человечность? Где страх Господень? Уж не надеялся ли ты скрыть свои злодеяния от горних духов и от Всевышнего, который воздает всякому по делам его? Если ты таковые надежды питаешь, то ты заблуждаешься, ибо от Его суда ничто не утаится. Быть может, таково предопределение судьбы или же таково влияние небесных светил, позавидовавших благополучию твоему и покою? То правда, всему на свете положен конец и предел, и когда что-либо достигает наивысшей точки, сейчас же и низвергается, ибо долго продержаться в этом положении не может. Таков конец всех, кто, благоденствуя и преуспевая, забывает о благоразумной умеренности.

Но если даже это и было предустановлено и счастьем твоему и покою пришел конец, то неужели же это должно было обнаружиться в том, чтобы ты причинил зло моему королю, а ведь он-то и возвел тебя на престол? Если дому твоему суждено рухнуть, то неужели же необходимо, чтобы, рушась, он упал на очаг того, кто дом твой украсил? Все это так явно выходит за пределы человеческого понимания и так противно здравому смыслу, что разум едва в состоянии это

достигнуть, иноземцы же будут отказываться этому верить до тех пор, пока подтвержденные и засвидетельствованные последствия не убедят их, что нет ничего святого и священного для того, кто отошел от Бога и от разума и отдался на волю дурных страстей.

Если бы мы причинили какой-либо ущерб твоим подданным или же твоим владениям; если бы мы оказали покровительство твоим недругам; если бы мы не помогли тебе в твоих начинаниях; если бы мы затронули твою честь и доброе имя; вернее сказать, если бы лукавый, стараясь подбить тебя на злое дело и являя твоему взору всякие обманчивые подобия и призрачные видения, оклеветал нас и вселил в тебя подозрение, что мы совершили по отношению к тебе нечто недостойное нашей старинной дружбы, – то прежде всего тебе надлежало бы узнать всю правду, а потом объявить о своем неудовольствии нам, и мы постарались бы уболаготворить тебя таким образом, что тебе нечего было бы больше желать. Но, Боже правый, как же ты поступил? Ужели ты и впрямь задумал, по примеру всех вероломных тиранов, разграбить и разорить королевство моего повелителя? Ужели ты почитал его за такого труса и глупца, ужели ты полагал, что он так беден людьми, деньгами, мудрыми советчиками и искусными военачальниками, что не захочет и не сможет дать отпор незаконному твоему нашествию?

Сей же час уходи отсель, уходи навсегда, и чтобы завтра ты уже вступил в пределы своей державы, дорогою же ника-

ких беспорядков не производи и насилий не чини, да уплати тысячу золотых безантов за убытки, которые мы через тебя понесли. Половину указанной суммы пришли нам завтра; половину – к ближайшим майским идам, а в качестве заложников оставь нам на это время герцогов де Пустомель, де Карапуз и де Шваль, а также принца де Парша и виконта де Вши.

Глава XXXII

О том, как Грангузье для достижения мира велел возвратить лепешки

На этом кончил свою речь Галле, но Пикрохол на все его доводы ответил так:

– *Придите и возьмите, придите и возьмите!* Они у меня молодцы ребята. Они вам наделают лепешек.

Тогда Галле возвратился к Грангузье и увидел, что тот с непокрытой головой стоит на коленях в углу своей комнаты и молит Бога укротить гнев Пикрохола и образумить его, чтобы не нужно было применять насилие. Заметив вошедшего Галле, добряк Грангузье сказал:

– А, это ты, друг мой? Ну, что нового, что нового?

– Все вверх дном, – отвечал Галле. – У этого человека ум за разум зашел, сам Господь от него отступился.

– Так, друг мой, – сказал Грангузье, – но как же он объясняет свои бесчинства?

– Он и не дал мне никаких объяснений, – отвечал Галле, – он только проворчал что-то насчет лепешек. Кто их там знает, – чего доброго, его пекарям досталось от наших пастухов?

– Прежде чем вынести окончательное решение, я должен в этом разобраться, – объявил Грангузье.

Он тут же приказал расследовать это дело и установил,

что его подданные отняли у пекарей некоторое количество лепешек и что Марке хватили дубиной по голове, но что расплатились они с пекарями по-честному и что упомянутый Марке первый хлестнул Фрожье кнутом по ногам. Грангузье созвал совет, и все в один голос объявили, что нужно грудью встать на врага. Тем не менее Грангузье сказал:

– Коли все дело в нескольких лепешках, я постараюсь удовлетворить Пикрохола, – уж очень мне не по душе начинать войну.

Затем он осведомился, сколько было взято лепешек, и, узнав, что всего штук шестьдесят, велел напечь их за ночь пять возов и на один из них положить лепешки, приготовленные на лучшем масле, на самых свежих желтках, с наилучшим шафраном и другими пряностями, каковые лепешки предназначались им для Марке, а еще он жаловал Марке семьсот тысяч три филиппа¹⁷⁶ на расплату с лечившими его цирюльниками и сверх того передавал в вечное и безвозмездное владение ему и его наследникам мызу Помардьеру. Отвезти и доставить дары было поручено Ульриху Галле, и по дороге, близ Соле, он велел нарвать как можно больше тростника и камыша, украсить стеблями повозки и каждому вознице дать в руки по стеблю; сам он тоже взял в руки стебель, – этим он желал показать, что они хотят мира и прибыли затем, чтобы его достигнуть.

¹⁷⁶ *Филипп* – греческая монета с изображением македонского царя Филиппа II, начавшего чеканку золотых монет. В XVI в. так называли любую золотую монету.

Подъехав к воротам, они объявили, что их уполномочил Грангузье вести переговоры с Пикрохолом. Пикрохол не велел впускать их и не пожелал сам выйти к ним для переговоров, а велел сказать, что ему недосуг и что если им уж так нужно, пусть потолкуют с военачальником Фанфароном, который в это время устанавливал на крепостной стене орудие. Добрый Галле обратился к нему с такими словами:

– Сеньор! Дабы прекратить междоусобицу и устранить препону, мешающую вам вновь вступить с нами в союз, мы возвращаем вам лепешки, послужившие причиной раздоров. Наши взяли у вас шестьдесят штук, они дали вам за них хорошую цену, но мы из чистого миролюбия возвращаем вам целых пять возов, из коих один поступает в распоряжение Марке, как наиболее пострадавшего. Кроме того, для полного его удовлетворения я ему вручу семьсот тысяч три филиппа, а в возмещение убытков, коего он имеет право с нас требовать, я передам в вечное и безвозмездное владение ему и наследникам его мызу Помардьеру: дарственная – вот она. Итак, ради Создателя, давайте отныне жить в мире, идите себе бодрым шагом домой, верните нам эту крепость, притязать на которую у вас, как вы сами отлично знаете, нет ни малейшего основания, и будем-те снова друзьями!

Фанфарон передал все до последнего слова Пикрохолу и, еще пуще раззадоривая его, повел с ним такую речь:

– Нагнали мы на мужичье страху! Несчастный пьянчужка Грангузье поди в штаны наложил! Это ему не из бутылочки

тянуть, тут надо показать военное искусство. Я так полагаю: лепешки и деньги мы у них возьмем, а сами в кратчайший срок здесь укрепимся и будем продолжать успешно начатое дело. Что они, правда, за дурачка вас принимают? Надеются задобрить своими лепешками? А все оттого, что вы мило- стиво с ними обходились и держали себя запросто, вот они вас теперь ни во что и не ставят: посади свинью за стол – она и ноги на стол.

– Верно, верно! – сказал Пикрохол. – Ну да я им покажу, истинный Бог, покажу! Как ты сказал, так и поступай.

– Только вот насчет чего я должен вас предупредить, – заметил Фанфарон. – У нас здесь с припасами обстоит неважно, съестного маловато. Ежели Грангузье предпримет осаду, я все зубы себе повырву, оставлю штуки три, не больше, и пусть другие последуют моему примеру, а то мы враз всё подберем.

– Нет, – возразил Пикрохол, – еды у нас предостаточно. Зачем мы сюда пришли: нажираться или сражаться?

– Конечно, сражаться, – отвечал Фанфарон, – но только ведь на голодный желудок много не наговоришь прибауток, и где царствует голод, там сила в опале.

– Ну, довольно, довольно! – сказал Пикрохол. – Тащите все, что они привезли.

В ту же минуту у послов были отобраны деньги, лепешки, во- лы и повозки, а самих послов отослали обратно, не дав им никакого ответа, – им только сказали, чтобы они не под-

ходили близко к крепости, а почему – это, мол, они завтра узнают. Так послы и вернулись, ничего не добившись, и, рассказав Грангузье обо всем, прибавили от себя, что склонить врагов к миру нет никакой надежды и что нужно немедленно объявлять войну не на жизнь, а на смерть.

Глава XXXIII

**О том, как некоторые учителя
Пикрохола своими необдуман-
ными советами толкнули его на
чрезвычайно опасный путь**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.